

А.ОЛЬШЕВСКИЙ

Жан-Поль МАРАТ

ДРУГ НАРОДА

исторический очерк

дешевая историко-революционная библиотека

Москва: издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. 1933

Введение

Глава 1. Детство и юность. Годы скитаний. Жизнь в Англии. Первые политические сочинения. Возвращение во Францию. Успех и разочарования. Медицинская практика и научные труды

Глава 2. Начало революции. Марат - журналист. Его отношение к Учредительному собранию. Критика работ Учредительного собрания и деятельности парижского муниципалитета. Начало подпольной жизни. Проповедь восстания. Бегство в Англию

Глава 3. Марат в Англии. Новые политические труды. Опять во Францию. «С нами покончено!» Новый призыв к восстанию. Снова в подполье. Бойня в Нанси. «Ужасное пробуждение». Критика «великих» людей. Женитьба Марата

Глава 4. 1791 год. Вопрос о присяге. Рабочий вопрос. Закон Ле Шапелье. Бегство короля. Бойня на Марсовом поле. Конституция. Разочарование Марата

Глава 5. Бегство короля. Бойня на Марсовом поле

Глава 6. Законодательное собрание. Снова проповедь восстания. Марат в Англии. Война с австро-прусаками. Марат в подполье. Восстание 10 августа 1792 г. Низвержение монархии. Сентябрьские убийства

Глава 7. Конвент. Марат – депутат Конвента. Борьба с жирондой. Генерал Дюмуре. Суд над королем. Продовольственный вопрос. «Максимум» и «бешеные». Жиронда, Гора и Коммуна. Суд над Маратом. Восстание 31 мая – 2 июня 1793 г. Якобинцы у власти. Болезнь Марата. Смерть от руки убийцы. Похороны Марата

Заключение

Тематические ссылки:

[Проект декларации прав человека и гражданина с последующим планом справедливой, мудрой и свободной конституции](#)

[ПАМФЛЕТЫ \(1789-1793 гг.\)](#)

[ПИСЬМА 1776-1793 гг. \(часть 1, часть 2\)](#)

[Марат о 4 августа 1789 г. \(«Друг народа» № II\)](#)

[Из газеты Марата «Друг народа» \(1792 г.\)](#)

[Марат в августе 1792 г.](#)

[Из газеты «Друг Народа» от 13 декабря 1792 г.](#)

[Речь Марата по поводу суда над Людовиком XVI](#)

[сколько улиц названо его именем?..](#)

[Студентка Корде и профессор Марат: через двести лет](#)

[Ц.Фридлянд. Марат до Великой французской революции](#)

[галерея портретов Марата](#)

[Д.Обломиевский. Литература Французской революции. 1789-1794 гг. Памфлеты Жан-Поля Марата](#)

[Я.Старосельский. Проблемы якобинской диктатуры](#)

[Марат в гостях у Дюмуре](#)

[Ж.Мишле. Кордельеры и Дантон](#)

[М.Славин. Эбертисты под ножом гильотины](#)

[братья Марат'ы: господин де Будри, подданный российской короны](#)

[«Польские письма»](#)

[Т.Солтановская. Ж.-П.Марат и «бешеные» весной 1793 г.](#)

[А.Герцензон. Уголовно-правовая теория Марата](#)

[П.Гениффе. Марат - идеолог Террора](#)

[Г.Цверва. Марат как естествоиспытатель](#)

[С.Лозинский. Очерки Великой французской революции: Мирабо, Дантон, Марат, процесс Людовика XVI](#)

[Убийство Марата в зеркале истории](#)

[Марат в современной поэзии](#)

[А.Зильбер. Жан-Поль Марат, врач-трус](#)

[Э.Белфорт Бакс. Жан-Поль Марат: историко-биографический очерк \(на англ.языке\)](#)

[в романе А.Гладилина «Евангелие от Робеспьера»](#)

[Товарищ У. Also sprach Marat](#)

[А.Гордон. Падение жирондистов](#)

[Кто он - с точки зрения соционики?..](#)

[в мюзикле «Французская революция»](#)

[Анатолий Франс. Боги жаждут](#)

[В.Гюго. Девяносто третий год](#)

[День св.Валентина-2](#)

[Журналист о журналистах: взгляд Власа Дорошевича из Великой октябрьской в Великую французскую](#)

[Герои и Авторы - о Времени и о себе](#)

[Ж.Жорес. Марат и аграрный вопрос. Марат и пролетарии \(из «Социалистической истории Великой французской революции»\)](#)

[в романе В.Шумилова «Сен-Жюст. Живой меч, или Этюд о счастье»](#) [беседа с автором](#)

[Ю.Попов. Публицистика Марата](#)

[В.Волгин. Великая французская революция и социализм \(статьи в сб. «Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в.»\)](#)

ВВЕДЕНИЕ

Быть может, ни один из деятелей Великой французской революции не вызывал таких противоречивых суждений о своей личности, не вызывал таких резких, пристрастных отзывов, такого беспощадно-злобного к себе отношения, как Жан-Поль Марат.

«Чудовище», «бешеный волк», «буйнопомешанный», «коновал», «человек отвратительный и духовно и физически», «хищный зверь» — вот отдельные перлы из коллекции образных выражений, которыми так щедро осыпали Марата не только его классовые враги, но и те «беспристрастные» историки, которые во всей его деятельности видели только проявление болезненного состояния, близкого к буйному помешательству.

Но другие источники рисуют нам его в другом свете.

«Друг народа», «божественный Марат», «человек, обладающий дарованием, эрудицией и вкусом, великими добродетелями, кое-какими недостатками, но совершенно лишенный пороков», «глубокий и смелый ученый, чувствительный и страстный моралист, мудрый и гуманный законодатель», «в высшей степени воспитанный и джентльмен» — таков Марат в изображении своих друзей и поклонников, таким рисуют его биографы,

желающие опровергнуть слишком несправедливые оценки его врагов.

Где же и в чем же истина? Ведь одни не жалеют черной краски для изображения пороков этого «чудовища», а другие с неменьшим усердием живописуют добродетели этого «воспитанного джентльмена». И следует ли удивляться подобным противоречивым суждениям, таким взаимно исключающим характеристикам?

Нет, конечно удивляться не приходится. Марат был политическим деятелем; он играл очень видную роль в эпоху Великой революции. Естественно, что у него были и друзья и враги. Он был участником жестокой классовой борьбы, когда враждебные дружба, которые еще недавно работали, казалось, над одним общим делом, сегодня выступали друг против друга как злейшие враги. Возможна ли тут беспристрастная оценка?

Не будем же говорить о беспристрастии и попытаемся изобразить личность Марата в том виде, в котором она рисуется нам на основании новейших данных истории. Но будем помнить, что Марат был деятелем буржуазной революции и что при характеристике его личности мы не должны упускать из виду ста с лишком лет, отделяющих наше время от его времени.

ГЛАВА I.

Детство и юность. Годы скитаний. Жизнь в Англии. Первые политические сочинения. Возвращение во Францию. Успехи и разочарования. Медицинская практика и научные труды.

Мы мало знаем о детских годах будущего грозного революционера. Известно, что родители его были небогатые люди. Его отец, уроженец Сардинии, натурализовавшийся в Швейцарии, занимался живописью, рисованием, черчением и преподаванием иностранных языков; его мать происходила, повидимому, из семьи французских протестантов, в свое время эмигрировавших в Швейцарию из-за религиозных гонений. От них-то и родился 24 мая 1743 года в маленьком городке Будри, около Невшателя, Жан-Поль Марат. Известны и другие члены его семьи: сестры Мария и Альбертина и братья Анри, Давид и Жан-Пьер. Интересно отметить, что Анри Марат, впоследствии под фамилией Будри, был преподавателем французской литературы в знаменитом царскосельском лицее.

Родители Марата обращали большое внимание на образование своих детей и не жалели средств для этого. Их усилия не пропали даром: дети учились отлично, а особенно жаждой знаний отличался Жан-Поль. Он прекрасно изучил несколь-

ко европейских языков и впоследствии, кроме французского, знал английский, немецкий, итальянский, испанский и голландский языки, знал также латынь и греческий язык. Одно это показывает, какой жадой знаний отличался Марат с ранних лет.

До 16 лет он жил в Швейцарии, проходя курс городской школы в Невшателе. Уже в то время в нем резко выявилась одна черта характера — редкое упорство. Черта, которая с годами проявлялась в нем все более и более. Так, когда ему было еще только одиннадцать лет, он был за что-то наказан в школе. Он решил, что наказание несправедливо, и отказался посещать школу. Родители пробовали уговорить его, но он не слушал никаких доводов и даже два дня ничего не ел. Тогда его заперли в его комнате — она была во втором этаже, — но он, недолго думая, выбросился из окна на улицу. К счастью, он отделался сравнительно легкими ушибами, да на лбу у него на всю жизнь остался шрам.

Упорство и горячность — основные черты его характера в ранней юности, сохранившиеся, впрочем, на всю жизнь. Вскоре к ним присоединилась новая черта — гордость или, может быть, честолюбие.

Он сам характеризует себя в следующих откровенных признаниях: «С раннего детства,—говорит он,— меня мучила жажда славы; когда мне было пять лет, мне хотелось быть школьным учителем. в 15 лет — профессором, в 18 — писателем, в 20 лет — творцом гениальных произведений, а затем в течение всей моей жизни моим постоянным стремлением было стать апостолом и проводником высших идей».

Тут очень ярко оразилась психология человека, вышедшего из мелкобуржуазной среды. Правда, отец его работал на фабрике, но работал чертежником, следовательно, был ближе к административному персоналу, чем к рабочему ядру. Его мать была просто интеллигентной женщиной, поглощенной воспитанием детей и заботами о хозяйстве. Она много занималась благотворительностью, по словам самого Марата, развила в нем чувство человеколюбия, или «чувствительности» ко всякой несправедливости. «Любая несправедливость, — говорит он, — заставляла биться мое сердце, словно от оскорбления, нанесенного мне лично».

Мальчик рос и старательно учился. Он был физически слаб и избегал шумных игр, зато много думал и читал и чтением развил в себе любовь к славе, которая, как он сам говорит, не покидала его всю жизнь. Менялись только цели, но неизменным оставалось честолюбие.

Запомним же эти черты: хорошие успехи и усидчивость в занятиях, чувствительность, упорство и горячность, жажда знаний и справедливости и честолюбие. Таким был Марат в молодые годы, таким он остался в течение всей своей жизни. Это — человек, привыкший прежде всего полагаться на себя самого, убежденный в мощи человеческого разума. Это — дитя своего класса, выдвинувшего в конце XVIII века столько энергичных деятелей.

Стремление к славе, любовь быть всегда на виду, привлекать к себе внимание, учить и поучать других, быть апостолом и мучеником, борцом и проповедником — таковы мечты и стремления этого человека. И многие из них ему удалось осуществить.

Вероятно, под влиянием чтения в нем развилось и желание странствовать. Еще шестнадцатилетним юношей он обратился к Людовику XV с просьбой разрешить ему сопровождать экспедицию аббата Шаппа, направлявшуюся в Тобольск для наблюдения за прохождением Венеры перед солнцем. Ему отказали в его просьбе: возможно, что его возраст показался слишком юным, а вероятнее потому, что у него не было достаточной заручки в верхах общества. Но этот неуспех не обезоружил его, а только усилил в нем желание познакомиться с чужими странами и народами и объездить весь свет.

Ему не исполнилось еще 17 лет, когда он покинул Швейцарию и направился во Францию в поисках за счастьем или, говоря проще, он отправился зарабатывать свой хлеб. На родине это было сделать труднее, семья его была небогата.

С этого момента и начинаются его годы борьбы, сперва за обеспеченное существование, а потом за более высокие идеалы.

Сначала он жил в Бордо, где два года был воспитателем сына богатого кораблестроителя. Затем пошли годы скитаний. Он сам пишет о своей жизни так: «Я прожил два года в Бордо, десять лет в Лондоне, год в Дублине, год в Гааге, Утрехте, Амстердаме, девятнадцать лет в Париже. Я объездил пол Европы... И пусть наведут справки: я заявляю, что никто на земле не сможет упрекнуть меня в бесчестном поступке».

В Лондоне он существовал на средства, доставляемые ему медицинкой и ветеринарной практикой. Впоследствии некоторые историки, не признавая в Марате врача, говорили с насмешкой об уче-

ных трудах «этого коновала». Но известно, что Марат получил диплом доктора медицины в 1775 г. от университета Сэн-Эндрьюс (св. Андрея) в Шотландии, причем этот диплом был дан ему *honoris causa*, т. е. из уважения к его научным трудам. Впоследствии он получил почетные дипломы и от других английских университетов. Его практика, а жил он в одном из аристократических кварталов Лондона, позволяла ему существовать безбедно; он пользовался большим успехом и имел хорошую клиентуру. Но он отличался скромными вкусами, отсутствием стремления к наживе и больше всего гордился своей независимостью. Деньги он тратил на издание своих работ, напечатание которых в те времена обходилось недешево. За этот период времени он опубликовал несколько исследований по мочеполовым и глазным болезням, представлявших для своего времени большую научную ценность. Вообще о его трудах в области медицины один современный нам ученый специалист говорит: «Они (труды) доказывают серьезные познания (у Марата) в области патологии, физиологии, физики и особенно оптики и электричества. Марат как окулист, равно как и медик и ученый, обладал большими познаниями».

Но он не мог ограничиться одной медициной. Он жил в Англии, в стране, переживавшей промышленную революцию с зарождением крупного машинного производства. Дело в том, что к середине XVIII столетия резко изменилось лицо старой Англии. Если в конце XVII века земледелием было занято $\frac{9}{10}$ населения и только $\frac{1}{10}$ занималась торговлей и мануфактурной промышленностью¹, то

¹ Мануфактурная промышленность — первая форма промышленного капитализма, основанного преимущественно на ручном труде. Р е д.

уже в середине XVIII столетия земледелием было занято меньше половины населения, и это отношение все время менялось в сторону уменьшения сельского населения. Росла промышленная городская Англия. Зарождающийся промышленный капитализм уничтожал старые общественные классы — цеховых ремесленников, кустарей, мелких земледельцев. На их место выдвигалась новая промышленная буржуазия, крупное фермерство, индустриальный пролетариат. Машина, вытеснявшая затем ручной труд, становилась предметом ненависти тех, кого она лишала работы. Началось движение так называемых «разрушителей машин», когда разоряемые конкуренцией фабрик ремесленники и кустари, объединившись с некоторыми категориями рабочих новых фабрик, сначала требовали запрещения применения машин, а затем начали громить и жечь фабрики и заводы и разрушать машины. Правительство борется с этим движением военной силой и жестокими мерами наказания вплоть до смертной казни. В стране появляется огромное количество пауперов — нищих, — т. е. людей, лишившихся своей земли или привычного ремесла и еще не устроившихся на работу во вновь возникающих фабриках. Наряду с этим шла жестокая эксплуатация женского и детского труда. Государственная власть была сосредоточена в руках парламента, причем к концу XVIII столетия из 8 миллионов душ населения избирательным правом пользовались только 160 000 лиц, а избираемыми могли быть только богатые люди с годовым доходом не менее 300 фунтов, т. е. около 3 000 рублей. Капиталисты подкупали избирателей и, попав в парламент, нередко продавали свои голоса министерству за разные концессии, монополии и т. д. Сам парламент заседал при закрытых

дверях без посторонних слушателей, не издавал публичных отчетов о прениях и голосованиях и не допускал публичной критики своих действий. Роскошь привилегированных классов особенно резко была в глаза на фоне нищеты пролетариата и полупролетарских элементов населения.

Видел ли все это Марат? И, если видел, то как реагировал он на эти явления социальной несправедливости? Ведь, по его собственным словам, в нем еще с детства до болезненности была развита чувствительность ко всякого рода несправедливости. Тут мы не должны упускать из вида, что Марат был человеком XVIII века; что многое из того, что нам кажется ясным и очевидным, было совершенно неясно для людей его времени; что он приехал из Франции, где условия жизни трудящихся были еще хуже, чем в Англии, а состоятельные классы, за исключением небольшой верхушки привилегированных, пользовались значительно меньшей свободой, чем их соседи англичане. Наконец, надо помнить, что даже по такому, казалось бы, ясному вопросу, как вопрос о рабстве, самые видные представители тогдашнего просвещенного общества высказывались далеко нерешительно. Монтескье¹, бывший вообще против рабства, находил, что освобождать рабов сразу нельзя, а сначала надо подготовить их к принятию свободы. Руссо, писавший против рабства, оправдывал в некоторых случаях институт рабовладения, так как «есть такие несчастные положения, в которых иначе

¹ Монтескье Шарль Луи (1689—1755 гг.) — французский политический писатель, родоначальник европейского либерализма, выдвинувшего идею «правового (парламентского) государства с разделением властей в целях ограничения монархии». Его теория легла в основу буржуазных конституций. Ред.

нельзя сохранить свою свободу, как опирался на рабство». Таково было положение Спарты¹. И он же писал полякам, когда те обратились к нему за советом, что можно освободить крепостных только в том случае, если они заслужат свободу хорошим поведением. И сам Вольтер² в 1765 году, отвечая петербургскому Вольноэкономическому обществу на вопрос о крепостных, писал, что нельзя принуждать помещиков освобождать крепостных: «Они должны иметь право освобождения их по собственному своему усмотрению». Вообще можно было проповедывать гуманные идеи, поскольку они не затрагивали интересов собственников, но как только вопрос ставился ребром и затрагивал право собственности, сейчас же сказывался в крайнем политически свободомыслящем человеке настоящий буржуа-собственник.

Что же думал Марат в это время? Ведь у него нет недвижимой собственности, нет домов или поместий, нет капиталов. Он — интеллигентный про-

летарий, живущий своим трудом. На что он обращает свое внимание?

Его, повидимому, больше всего поразила система продажности, царившая в английском парламенте. А так как близились выборы в парламент, то он в 1774 году опубликовал книгу, озаглавленную «Цепи рабства». Этот труд, — писал он, — является исторической и философской картиной всех ухищрений, ловушек, покушений, государственных переворотов и преступлений, к которым прибегают государи, чтобы уничтожить свободу и заковать в цепи народы. Марат работал, по его словам, над этой книгой по 21 часу в сутки, спал только по два часа, поддерживая свои силы черным кофе и крепким чаем, и довел себя до полного изнеможения. Он советовал англичанам выбирать в парламент добродетельных и просвещенных людей, рисовал им все отрицательные стороны деспотизма и преимущества свободы. Все причины общественных бедствий Марат сводит в конечном счете к плохому управлению, всецело зависящему от личных качеств монарха. А так как большинство монархов стремится держать свои народы «в цепях рабства», всеми способами подавляя их стремление к свободе, то народу через своих представителей нужно добиваться расширения системы парламентаризма и ограничения королевского произвола. Характерно, что Марат настаивает на том, чтобы выбирали людей достаточно состоятельных, так как состояние делает их независимыми и гарантирует от искушений, стоящих перед бедностью. В то же время Марат в «Цепях рабства» набросал широкую картину развития государства и происхождения деспотизма. Он говорил о свободе в том периоде существования человеческого общества, когда не было боль-

¹ Спарта — древнегреческое государство с главным городом того же наименования. Во главе государства стоял царь с советом старейшин и народным собранием, состоявшим из представителей господствующего класса. Ввиду постоянных войн со своими соседями вся внутренняя жизнь этого государства была организована на военный лад. Население делилось на три неравных социальных слоя: 1) спартиатов — полноправных граждан, занимавшихся исключительно военным делом, 2) периеков — неполноправных граждан, занимавшихся торговлей и промышленностью (производством оружия, тканей, обуви и т. д.) и 3) илотов — совершенно бесправных граждан, государственных рабов, занимавшихся земледелием. Ред.

² Вольтер Франсуа-Мари Арус (1694—1778 гг.) — известный французский философ, историк и политический писатель, своими книгами, своей едкой критикой церкви, феодальных и монархической власти содействовал пробуждению классового самосознания буржуазии в XVIII веке. Ред.

ших накопленных состояний, когда земля равно распределена была между всеми и потребности всех удовлетворены. Но с расцветом торговли и промышленности происходит разделение населения на богатых и бедных, путем насилия выдвигаются правители, которые опираются на богатых и совместно с ними держат народ в рабстве, всенародно стараясь укрепить существующее неравенство. Высшим классам даются всевозможные привилегии, и они, естественно, всячески поддерживают своего монарха; низшим же классам остаются торговля и ремесла. Эти низшие классы, живя в неравенстве, подвергаются насилию богатых. Но когда просвещение начинает проникать в эти низы, то оно становится там орудием свободы. «Спасением народа является революция. Восстание должно быть всеобщим при полном единстве восставших, имеющих во главе великого по уму и добродетелям диктатора, который и должен помочь организовать новую государственную власть в соответствии с интересами народа».

Запомним эти мысли о диктаторе и организации восстания. Марат в своей дальнейшей деятельности будет еще не раз доказывать их теоретически и попытается осуществить их на практике.

Не будем касаться здесь других работ Марата написанных им во время пребывания в Англии. Упомянем только, что в 1773 году он выпустил сочинение «О человеке, или о принципах и законах влияния души на тело и тела на душу». В этом труде, переведенном в 1775 году на французский язык, он высказывался против материалистической философии и стоял таким образом много ниже мыслителей передовой буржуазии, таких атеистов

и материалистов, как Дидро, д'Аламбер, Гольбах, Гельвеций и др.¹

Труд этот был встречен сочувственно противниками материалистической философии, особенно в Англии, но во Франции он не произвел большого впечатления и был высмеян Вольтером.

Марат в качестве практикующего врача пользовался большой популярностью и имел хорошую клиентуру. Возможно, что он сделал бы и «блестящую» карьеру в Англии, но его потянуло во Францию, и в 1777 году он занял должность «врача лейб-гвардии его высочества графа д'Артуа», брата короля Людовика XVI, должность, на которой он пробыл до конца 1783 года или начала 1784 года. По тем временам это было очень почетное место, и впоследствии злые языки старались доказать, что заботам Марата были поручены только лошади из конюшен графа д'Артуа. Но это клевета. Марат лечил людей, получал 2000 франков жалования, не считая расходов на стол, помещение и пр. Это был своеобразный период в жизни Марата, который кажется нам особенно странным после всего того, что мы знаем о Марате-революционере.

Марат жил в Париже в аристократическом Сен-Жерменском предместьи (с 1779 по 1786 год вклю-

¹ Дидро Дени (1713—1784 гг.), д'Аламбер Жан Лерон (1717—1783 гг.), Гельвеций Клод Адриен (1715—1771 гг.), Гольбах Поль Генрих Дитрих (1723—1789 гг.) — философы-материалисты и политические писатели XVIII века во Франции, известные под названием «просветителей» или «энциклопедистов», издававших известную энциклопедию (сборники по всем отраслям знания). Своими произведениями они объединили вокруг себя радикальные буржуазные группы предреволюционной Франции и содействовали пробуждению классового самосознания молодой французской буржуазии. Ред.

чительно). У него была богато обставленная квартира с редкими цветами, драгоценным фарфором, целой картинной галлереей. Его место при дворе графа д'Артуа дало ему возможность приобрести богатую аристократическую клиентуру. Его даже называли «врачом неизлечимых». Вообще в этот период жизни Марат совершенно ничем, по крайней мере по внешности, не напоминает Марата эпохи революции. Граф д'Артуа, например, пользуется его талантом писателя, чтобы при его содействии и его пером писать ответы на те памфлеты, которые в большом количестве распространялись в обществе против графа. Пребывание в аристократическом обществе наложило свою печать на Марата. Он старается доказать свое происхождение от испанского дворянства и даже запечатывает свои письма печаткой с гербом и графской короной. Он получает за визиты не менее одного золотого. Он щеголяет в изящнейших костюмах, в расшитом шелками жилете, в напудренном модном парике. Он пишет чувствительный роман, любовные сгишки, сентиментальные элегии. Да, этот Марат бесконечно далек от Марата времен революции, от той «скотины, которую нельзя отмыть от грязи», как он впоследствии характеризовал себя самого. Он бесконечно далек от Марата, заседающего на скамьях Горы Конвента¹ в грязном плаще, кожаных штанах, ботфортах без чулок и с сальным платком на голове. К тому же в это время он пользуется успехом у женщин. Еще в

¹ «Гора» Конвента, или «монтаньяры» — прозвище, данное революционному крылу Учредительного и законодательного собрания времени Великой франц. революции за то, что скамьи, на которых сидели представители этого крыла, расползены были высоко под потолком зала заседаний Ред.

Лондоне у него был роман с известной художницей Анжеликой Кауфман. Здесь, в легкомысленной атмосфере придворной жизни, у него тоже было достаточно романов. Он вообще нравился женщинам, и если враги находили его наружность отвратительной, то все же беспристрастные свидетели признавали, что у него «мощная голова» с «большим лбом» и «твердым» взглядом умных, живых и пронизательных глаз. Прибавьте к тому, что у него была репутация известного модного врача, чуть ли не знаменитости, что он был увлекательным собеседником, образованнейшим человеком, и мы поймем секрет его успехов.

Таков был Марат, будущий «друг народа» в этот, скажем, «светский» период его жизни.

Человек ординарный, привыкший довольствоваться внешними благами, вероятно, окончательно погряз бы в этой сытой, беззаботной жизни, с ее ежедневными соблазнами, успехами, материальным обеспечением. Но Марат не успокоился на своих свежеских успехах.

Что мог он видеть во Франции, когда он посетил там после длительного пребывания в Англии?

Он видел страну, переживавшую жестокий кризис при неумелом, бездарном короле, заботившемся только о сохранении какой бы то ни было ценной возможности выкачивать из населения деньги для поддержания пышности своего двора. Марат видел нищету огромной массы бесправных, невежественных крестьян, составлявших 90% всего населения, обрабатывавших землю самыми примитивными орудиями и стонавших под бременем эксплуатации и налогов. Он замечал — и это должно было особенно бросаться ему в глаза после

Англии,—как слабо была развита промышленность, огромное большинство рабочих было занято в домашней промышленности с преобладанием кустарей-крестьян, а чисто индустриального пролетариата было мало. Он должен был видеть, в какой роскоши жили привилегированные классы — аристократия и высшее духовенство, — «господствующие два сословия государства», как назывались они в то время. Он понимал всю нелепость и несправедливость того социально-политического строя, при котором власть находилась в руках неограниченного монарха, при котором всевозможными правами и привилегиями пользовалась сравнительно небольшая кучка паразитирующих сословий, а наиболее просвещенные люди, не принадлежавшие к этим сословиям, не имели ни прав ни привилегий, и когда все трудовое население, пролетариат и крестьянство, лишенное самых элементарных прав, ценилось лишь постольку, поскольку оно могло выплачивать налоги и кормить самих себя бездельников. Он видел, наконец, как выросла экономически и окрепла одна часть «третьего сословия» — буржуазия, которая уже не стеснялась выражать свое недовольство существующими порядками и неоднократно высказывала мысль о необходимости коренных реформ. Реформ же не давали.

Марат, конечно, все это знал и видел, но еще не оценил приближения тех революционных бурь, которые несколько позднее снесли все гнилое здание старой монархии с ее приспешниками. По крайней мере в данный период он этого ничем не проявил. Он был поглощен врачебной практикой и научными исследованиями. В этой области он оставался верен себе и отличался редкой тру-

доспособностью и упорством в достижении поставленных перед собой целей.

Он усиленно занимался физическими науками и выпустил ряд работ по оптике и электричеству. Кроме того, им была переведена «Оптика» Ньютона, был написан ряд других работ, касающихся различных вопросов физики и т. д. Его сочинения переводились на иностранные языки, и его работа о приращении электричества в медицине была удостоена премии (золотая медаль) Руанской академии наук. Кроме того, он открыл у себя курс лекций с опытами для пропаганды своих взглядов на огонь, на которых пребывала, по его словам, вся столица.

Во всех своих работах он исходил из огромного количества опытов. Некоторые его взгляды и выводы не потеряли значения и для настоящего времени.

Его работы, встречая интерес в обществе, не находили должной оценки в научных кругах Парижа. Марат объяснял подобное отношение завистью ученых к его популярности или же их косностью. Но, вероятно, немалую роль в отрицательных оценках играла и его нетерпимость к критике и возражениям даже в тех случаях, когда он был неправ или когда вопрос, выдвигаемый им, был спорным. Кроме того, он относился свысока ко многим общепризнанным авторитетам, резко критикуя их выводы. Его нападки, например, на знаменитого химика Лавуазье¹, на Ньютона², на Лапласа³, Монжа⁴, Лаланда⁵ и т. д. не могли укрепить его авто-

¹ Лавуазье Антуан Лоран (1743—1794 гг.) — знаменитый ученый химик, основатель современной химии, как откупщик подачей был вместе с другими откупщиками приле-

зитель в ученых кругах Франции. Во всяком случае, объективного отношения к своим трудам со стороны французских ученых Марат не встречал, но большая доля вины в этом лежала на нем самом. За границей его имя было достаточно известно: его приглашали и в Англию, и в Испанию, и даже в Россию. Во многих журналах печатались отчеты об его работах и исследованиях.

Короче говоря, Марат бесспорно имел научные заслуги. Его трудами интересовались, их перепечатали, о них писали. Ошибки в них объясняются во многом уровнем науки того времени. Нежелание же признать свои ошибки и все возражения относить за счет недоброжелательности врагов следует отнести уже к характеру Марата.

Нужно также сказать, что многое объясняется не столько характером тех или иных лиц, сколько общей грубостью нравов, когда люди не особенно стеснялись как в выражениях, так и в действиях. Ведь было же у Марата столкновение с известным физиком Шарлем, начавшееся с объяснений по научному вопросу и кончившееся рукоприкладством. Был и такой случай с Маратом, когда он пришел

чен к суду и казнен во время Великой французской революции.

² Ньютон Исаак (1643—1727 гг.) — величайший английский математик, астроном, физик, известен своими трудами в небесной механике (закон всемирного тяготения и др.).

³ Лаплас Пьер Симон (1749—1827 гг.) — французский математик, физик и астроном, известен своей теорией происхождения планетных систем.

⁴ Монж Гаспар (1746—1818 гг.) — знамен. франц. математик, работал по установлению метр. системы мер и весов во время Вел. франц. революции. Ред.

⁵ Лаланд Жозеф (1732—1807 гг.) — французский астроном и математик.

с визитом к одной своей пациентке и был избит в ее квартире тремя ее знакомыми, выразившими неудовольствие по поводу якобы не успешности лечения. А подобные случаи бывали и с другими, не менее известными деятелями. Чего же удивляться всяким резким выпадам в полемике, хотя бы и между учеными.

Во всяком случае за десятилетний период до наступления революции Марат проявил огромную работоспособность и составил ряд работ, про которые современные нам ученые говорят с большим уважением, чем академические круги эпохи Марата. Его работы в области электротерапии интересны даже для нашего времени.

ГЛАВА II

Начало революции. Марат — журналист. Его отношение к Учредительному собранию. Критика работ Учредительного собрания и деятельности парижского муниципалитета. Начало подпольной жизни. Проповедь восстания. Бегство в Англию.

Но вот наступает знаменитый 1789 год. Финансовое банкротство заставляет короля обратиться за помощью к народу. Созываются так называемые Генеральные штаты, т. е. представители трех сословий — дворянства, духовенства и буржуазии, — которые, по мысли правительства, должны были указать выход из финансового кризиса. Эти Генеральные штаты очень быстро становятся на революционный путь и из органа законосовещательного превращаются в орган законодательный, объявляют себя Национальным собранием, захватывают власть и, ограничивая монархию, углубляют революционное движение в стране.

Марат так характеризовал этот первый период революции:

«Наконец наступил момент революции. Все человеческие злоупотребления достигли крайней степени; с каждым днем народ становился все несчастнее, и наиболее состоятельные классы видели, что для них наступает минута стать жертвой безумной расточительности двора. Умные просвещенные политическими писателями, стремились к новому порядку. Уже давно, оплакивая несчастья моего отечества, я был при смерти, когда мой друг, единственный человек, которого я желал иметь свидетелем моих последних минут, сообщил мне о созыве Генеральных штатов. Эта новость произвела на меня сильное впечатление; я испытал спасительный кризис; мое мужество оживилось, и я использовал его прежде всего для того, чтобы дать моим согражданам доказательство моей преданности — я написал «Приношение отечеству».

В этой брошюре, выпущенной в свет в начале 1789 года, и в дополнении к ней, выпущенном несколько позднее, Марат высказывался за парламентаризм по английскому образцу. Верховная власть должна принадлежать народу в лице его избранных. Генеральные Штаты должны собираться по крайней мере один раз в три года, а в время между сессиями должен заседать постоянный комитет, выбранный из депутатов для наблюдения за выполнением конституции и государственных дел. Генеральные штаты должны установить основные законы, провести все назревшие реформы и не расходиться, пока не выработают основ конституции. Далее он требует полной свободы печати, уничтожения произвольных аресто

аведения уголовного судопроизводства по английскому образцу и т. д.

Он заканчивает эту брошюру восторженными словами:

«Итак, дорогое отечество, я увижу твоих детей, объединившихся в общество братьев, пребывающих в безопасности под священной державой законов, живущих в изобилии и в согласии, одушевляемых любовью к общественному благу и счастливых твоим счастьем. Я вижу их, образующих нацию просвещенную, справедливую, блестящую, грозную, непобедимую, и обожаемого вождя на вершине славы».

Марат, как мы видим, здесь стоит за ограниченную монархию и весьма восторженно смотрит на ближайшее будущее. Жизнь очень скоро разбила эти розовые мечты, разбила и надежды Марата на «обожаемого вождя», т. е. Людовика XVI.

События разворачивались со стремительной быстротой. Правительство Людовика XVI, думавшее найти в представителях Генеральных штатов почин для исполнителей королевской воли, жестоко ошиблось. Генеральные штаты, как бы следуя советам Марата, объявив себя Национальным собранием, постановили не слагать своих полномочий до той поры, пока не выработают конституцию для Франции. Правительство попыталось прибегнуть к силе и разогнать непокорных депутатов. Оно стало стягивать к Парижу войска, особенно иностранных наемников, и удалило чрезвычайно популярного в то время министра финансов Неккера, инициатора созыва Генеральных штатов. Ответом на это были грозные события: вооруженное восстание парижан и взятие 14 июля 1789 года знаменитой крепости Бастилии, господствовавшей над

Парижем и вызывавшей общую опасность как для заключенных негодных правительству лиц.

В эти бурные дни Марат был на улице. Мы не знаем, принимал ли он непосредственное участие в штурме Бастилии; повидимому, не принимал, так как ни он сам, ни его друзья не говорили об этом. Но он уже с момента одержанной победы толкует о бдительности и осторожности, о том, что не следует ослепляться успехом и что необходимо быть готовым к новым попыткам правительства восстановить старые порядки. Уже в ночь на 15 июля он принимает участие, как районным комиссар, в наблюдении за порядком в революционном городе. Он лучше многих понимает, что надо быть начеку. Поэтому, когда он встречается на Новом мосту кавалерийский отряд с офицером во главе, ему сразу кажется подозрительным это ночное появление королевских наемников. На вопрос, что они делают в черте города (их лагерь был за городом), был дан ответ, что они ждут отряды гусар, драгун и немецкий кавалерийский полк, чтобы присоединиться к народу.

«Хотя, — говорит Марат, — речь оратора была восторженно встречена толпой, я ни на один миг не усомнился в ее зерномстве. Я потребовал от офицера, чтобы он сдал оружие и получил бы его впоследствии из рук отечества. Его молчание не вызвало никаких сомнений. Я предложил командиру гражданского патруля обезоружить кавалеристов».

Дело кончилось тем, что этот отряд, не желавший разоружиться, был под надежным народным конвоем отправлен в свой лагерь.

Однако роль районного комиссара мало удовлетворяла Марата.

«Я предложил, — говорит он, — писать под наблюдением рабочего комитета историю революции, подготавливать план муниципальной организации и наблюдать за работой Генеральных штатов. Мое предложение пришлось не по вкусу большинству, и я, считая себя совершенно неподходящим для чего-либо иного, устранился от дел».

Но не в характере Марата было отказываться от поставленной перед собой цели. Он приложил все усилия, и ему удалось собрать некоторое количество денег для издания газеты. 8 сентября 1789 года он уже имел разрешение на издание газеты «Парижский публицист» — политическая свободная и беспартийная газета, издаваемая обществом патриотов и руководимая г. Маратом, автором «Приношение отечеству» и т. д.

В проспекте газеты Марат писал:

«Как бы сурово ни было мое перо, оно будет грозным только для порока, но оно станет уязвлять истину даже по отношению к негодяям. Далее, он намечал свои задачи и говорил:

«Теперь, когда французы при помощи оружия добились свободы, когда раздавленный деспотизм больше не смеет поднять головы, когда обращены в бегство государственные мятежники, а враги отечества должны надевать маски, когда Франция ждет своего счастья от свободной конституции, — ничто не сможет противиться желаниям нации, за исключением предрассудков и страстей Национального собрания и его представителей. Дело великих людей подготовлено торжеством великих истин, которые должны привести к победе справедливости и свободы, укрепить основы общественного счастья. Так

образом, у нас не должно быть периодический орган, где будут вымышленно рассматриваться деятельность Генеральных штатов, где будут устанавливаться права гражданина, где будет намечаться наилучшая организация мудрого управления, где будут указываться средства осушить источники несчастий государства и создать в нем единение, изобилие и мир».

Таковы цели Марата. Следует указать, что по своему знанию политической жизни и деятельности он мог претендовать на роль критика и руководителя. Недаром же он прожил столько лет в Англии, где внимательно следил за деятельностью парламента. Еще до выхода своей газеты, он выпустил листовку «Патриотический вестник» (№ 1 и единственный), где он давал ряд указаний комитету по выработке конституции. Им же была выпущена брошюра «Проект декларации прав человека и гражданина вместе с планом справедливой, мудрой и свободной конституции». В этой последней он, преклоняясь перед Руссо¹ и Монтескье, доказывал, что все граждане должны пользоваться одинаковыми политическими правами, что им должны быть гарантированы неприкосновенность личности, личная свобода и собственность. Должно быть дано всеобщее избирательное право (только для мужчин), парламентские преия должны быть публичны. Депутатов можно отзывать за нарушение обязательств перед избирателями. Тут же Марат высказывает ряд мыслей относительно обязан-

¹ Руссо Жан Жак (1712—1778 гг.) — знаменитый французский писатель и мыслитель, идеолог мелкой буржуазии. Его идеологией питались многие деятели Великой французской революции.

ностей государственная забастовка о неимущих членах общества; он указывает, что государство должно отбирать излишки у привилегированных и распределять их между неимущими, ибо «порядочный гражданин, которого общество покидает в нищете и отчаянии, имеет право с оружием в руках требовать лучшего положения».

Эти высказывания Марата совпадали со взглядами передовых деятелей того времени, и даже взгляды на необходимость отобрания излишков у имущих встречались в ряде брошюр разных авторов. Это были требования левого крыла буржуазной демократии, и Марат, подчеркивая их, шел наравне с лучшими представителями мелкой буржуазии.

Газета «Парижский публицист» стала выходить с 12 сентября 1789 года, и с № 7 она уже называлась «Друг народа или Парижский публицист». С нее и начинается широкая популярность Марата среди трудящихся.

Чтобы понять характер выступлений Марата, следует помнить, что Франция и Париж переживал очень тяжелое время. С одной стороны, все расширялся и углублялся экономический кризис. Усиливался голод, росла безработица. Приходилось оберегать специальными конвоями обозы с мукой, направлявшиеся из провинции в столицу. Шла все возрастающая волна крестьянских восстаний, имевших целью уничтожение феодальных прав, возврат общинных земель, которые, начиная с XVII века, отнимались у деревенских общин помещиками. Десятками пылали замки феодалов, владельцы их устремлялись в города, особенно Париж, или эмигрировали за границу, а с другой стороны, не был еще разрешен и политический кризис. Правда, первоначальные попытки дворян разогнать Генеральные штаты окончились неудачей, но власть, оказавшаяся в руках Национального собрания, была еще недостаточно крепка. Нужно было создать конституцию, выработать основные права гражданина, создать новые учреждения как общегосударственные, так и местные, разрешить крестьянский и рабочий вопросы, обезопасить себя от возможности восстановления старого режима и т. д.

Спрашивается, как же относился Марат к работам Национального собрания, насколько удовлетворяли его законодательные меры в области политической и социальной, которые преподносили Франции ее избранники? Марат сначала только приглядывался к работам Национального собрания. Ведь авторитет его, особенно в первое время, был очень высок, и, благодаря умелой газетной шумихе, все начинания новых законодателей встречались сочувственно широкими кругами общества. Марат очень быстро от наблюдения перешел к критике и особенно едко высмеивал склонность Национального собрания топиться в бесконечном потоке речей наиболее существенные вопросы. Не следует забывать, что в Национальном собрании были представители разных классов и сословий, что в нем было очень сильно представительство дворянства и духовенства, что буржуазия была представлена главным образом адвокатами, купцами и сельскими хозяевами. Марат ясно видел, что в среде депутатов имеется определенная группа сторонников старого режима, которая прилагает все усилия, чтобы тормозить и урезывать стремления Национального собрания провести те или иные меры для ограничения королевской власти или для усиления народного представительства. Он понимал, что эта группа мечтает о полной

ликвидации завоеваний революции и желает во-
врата к старине. Вот почему он бросает прямо
упрек Национальному собранию в том, что оно
собирается принести народ в жертву монарху, а
общее дело — в жертву кучке честолюбцев. И он
уже в первых номерах своей газеты указывает
что необходимо произвести чистку Национального
собрания и выкинуть из него недостойных членов
заботящихся только о своем благополучии. Обра-
щаясь же к народу, он указывал, что нет причин
радоваться: государство охвачено судорогами, на-
род обеднел, мастерские опустели, фабрики покин-
нуты, торговля остановилась, финансы подорваны,
армия разложилась, кругом царит анархия и до-
вершение бедствий, грозит «голод среди изобил-
дия». Быстро пролетают хорошие дни, а с наста-
плением холодной поры присоединятся новые не-
ужды. Уменьшится заработок рабочих и мастеров,
легионы домашних слуг, лишившихся мест, уве-
личат толпу нуждающихся; страшное отчаяние
будет толкать на преступление несчастных, лишен-
ных всего и покинутых обществом, и столица пре-
вратится в убежище воров и убийц. Терпение на-
рода может лопнуть. В провинциях уже прояв-
ляется недовольство. Оно сможет усилиться, а
тогда Франции будет грозить гражданская война.
«О, мое отечество, — восклицает Марат, — при ви-
де несчастий, обрушивающихся на тебя, мое сер-
дце разрывается от скорби и кровавые слезы текут
из глаз».

Поэтому он не устает повторять, что нужны
сильные средства для исправления создавшегося
положения, как для очистки воздуха необходимо
гроза. Нужно очистить и Национальное собрание
и Муниципалитет от продажных, недостойных чл-

нов, чтобы там остались только просвещенные и
добродетельные люди.

Во многом Марат был прав в своей критике;
многое же теперь нам кажется наивным, особенно
его вера в то, что «добродетельные и честные
люди» смогут вывести народ на правильный путь,
как будто Национальное собрание, классовое по
своему составу, могло забыть о своих классовых
интересах. Но нужно сказать, что эта критика, как
бы она ни была справедлива, вызывала на первых
порах удивление и негодование у очень многих,
даже и «патриотов», как тогда называли привер-
женцев нового строя. Ведь следует помнить, каким
всеобщим ликованием было встречено открытие
Генеральных штатов и какие надежды возлагались
на них и на вышедшее из их лоно Национальное
собрание. Поэтому на первых порах всякая кри-
тика работ Национального собрания встречала ма-
ло сочувствия:

«Мне пишут, — говорит Марат, — что моя га-
зета вызывает большой скандал; враги отечества
кричат о богохульстве, а робкие граждане блед-
неют при чтении ее... Но у меня на земле толь-
ко два божества — истина и справедливость...
Народу следует бояться козней его врагов. Ему
нужны люди, знакомые с политикой, которые
днем и ночью следили бы за его интересами,
за защитой его прав, заботились о его благо-
получии. Я отдам ему все свои мгновения... Я
знаю, чего я могу ожидать от озлобленных
людей, которые подымутся против меня, но
страх не оказывает никакого влияния на мою
душу. Я отдаю себя отечеству и готов пролить
за него всю свою кровь».

Этим Марат как бы еще раз подтверждал свои
слова, сказанные еще до революции (1786 г.):

«Нельзя стать апостолом истины, если не имеешь мужества быть жертвой за нее».

И эта готовность принести себя в жертву ради революционного отечества давала силу Марату не бояться открытых выступлений против самых, казалось бы, популярных лиц и критиковать те действия Национального собрания, которые огромному большинству казались актами великодушия, самоотвержения и т. д.

Когда в значительном заседании в ночь на 4 августа 1789 года. Национальное собрание под давлением трудящихся масс и под влиянием речей депутатов-демократов, к которым присоединился и ряд других ораторов, постановило «всецело уничтожить феодальный режим» и отменило ряд феодальных прав и привилегий (одни без выкупа, другие с выкупом), то Марат не поддался общему восторгу, вызванному этим актом, и писал с горечью:

«Не будем оскорблять добродетель, но и не позволим никому околпачивать себя. Если эти жертвы продиктованы добродетелью, то, надо сознаться, она долго ждала, прежде чем возвысила свой голос. Да, только при свете пламени своих подожженных замков они (т. е. феодалы) приобрели величие души, чтобы отказаться от привилегий держать в оковах людей, которые оружием в руках завоевали свою свободу. Только при виде возмездия, постигшего взяточников, вымогателей, охранителей деспотизма, они великодушно отказались от поземельных десятин и от дальнейших требований от несчастных у которых едва хватает средств на жизнь... Допустим, что они совершили из добродетели то, что легко можно было бы приписать страху, но со

гласимся, что значение этих жертв, столь превознесенных в первый момент радости, слишком преувеличено».

И далее, он разъяснял, что в сущности еще нет реального уничтожения привилегий, так как одни из них должны быть выкуплены, а другие все равно падут как только пройдет основной конституционный закон о личной свободе каждого гражданина.

Конечно, эта статья вызвала ряд протестующих и негодующих писем. Но они не смутили Марата, тем более, что он был совершенно прав в своих сомнениях и критике. Постановления, вынесенные в ночь на 4 августа, далеко не сразу были проведены в жизнь. Они встретили противодействие и со стороны короля, «не желавшего допустить ограбления своего духовства и дворянства», и вообще вопрос о выкупе феодальных прав получил окончательное разрешение только значительно позднее, во времена Конвента, когда была декретирована отмена всех феодальных прав без выкупа. Правда, крестьянство поняло решения, принятые на этом историческом заседании, как окончательное уничтожение всех феодальных прав и, не считаясь с декретом о том, какие права подлежат выкупу и какие не подлежат, захватывало и запахивало помещичьи земли, занималось охотой и ничего не платило помещикам. Но это, конечно, совсем не входило в планы Национального собрания.

И Марат в течение всего периода работ Национального учредительного собрания шаг за шагом критиковал его деятельность, не пропуская ни одного удобного случая, чтобы развенчивать «героев дня», перед которыми, казалось, преклонялась вся Франция. Он не стеснялся, например, нападать на

знаменитого Мирабо¹, которого он обвинял в предательстве (и впоследствии его обвинения подтвердились), жестоко критиковал Лафайета², первого начальника национальной гвардии (впоследствии он предал революцию), разделявал Бальи³, первого мэра Парижа (впоследствии казненного за контрреволюционную деятельность), доказывал бездарность Неккера⁴ (тот позднее уехал из Франции, не добившись ничего своими реформами), а это были люди, на которых одно время с восторгом и преклонением глядела вся прогрессивно мыслящая Франция. Но острое политическое чутье Марата позволило ему оценить действительный удельный вес этих людей, и ход революции показал, что он не ошибся в своих оценках.

В учредительном собрании буржуазия оформляла свои права, отстаивала свои классовые интересы, за громкими фразами о всеобщем счастье, о золотом веке скрывались более простые и скром-

¹ Мирабо Оноре Габриэль Рикетти (1749—1791 гг.) — вождем либеральной крупной буржуазии эпохи Вел. франц. революции, выдающийся оратор, в Генеральных штатах боролся за создание буржуазной монархии. При дальнейшем развитии революции Мирабо перешел в лагерь реакции.

² Лафайет Мари Жозеф (1757—1834 гг.) — франц. полит. деятель из знатных дворян, представитель крупной буржуазии в Генер. штатах. Вначале принимал активное участие в революции 1789 г. при взятии Бастилии. Назначенный затем командиром Национальной гвардии, он изменил революции, всячески тормозив ее дальнейшее развитие.

³ Бальи (Байе) Жан Сильвен (1736—1793 гг.) — полит. деятель, один из вождей либеральной буржуазии, стремившейся к примирению короля с восставшим народом. Во время террора был казнен по приговору Рев. трибунала.

⁴ Неккер Жак (1732—1804 гг.) — банкир, министр финансов, игравший видную роль в подготовке созыва Генеральных штатов. Испугавшись развития революции, удалился от дел. Ред.

ые истины: нужно было укрепить положение нового класса, пришедшего к власти. И Учредительное собрание медленно, но настойчиво укрепляло свои позиции. Марат, как представитель левого крыла мелкой буржуазии, не всегда объективно оценивал значение уже достигнутых успехов и приписывал злой воле отдельных лиц то, что являлось неизбежным в ходе исторического развития, но в общем его критика почти всегда была конкретна, особенно, когда он начинал писать о невозможных злоупотреблениях, используя для этой цели богатейший материал, поставляемый ему его корреспондентами и информаторами — «раб-рами», как сказали бы мы в наши дни.

Критикуя деятельность Учредительного собрания, Марат не оставлял без внимания и деятелей аристократического городского управления, где царила продажность и хищения не меньшие, чем при старом режиме, хотя во главе парижского муниципалитета и стоял мэр Бальи, бывший популярный председатель Национального собрания. Марат говорил о бездеятельности коммунального совета, о продажности в нем, о необходимости вычистить из него всяких темных дельцов и спекулянтов. Он нападал также на самовластные действия городского управления за его преследования органов печати и стремление превратить национальную гвардию в полицейский корпус буржуазии.

Марата сначала приглашали для объяснений, дали указы о конфискации номеров его газеты, но ему внушения за резкость тона в полемике конечно не могли заставить его переменить. В это же время он вел усиленную кампанию против Неккера за всю его политику и особенно за нападки на новые налоги, вводимые им.

«Как, — восклицал он. — дают пенсии в 80 тысяч фунтов бывшим министрам, растратчикам и т. д. для людей, привыкших с давних пор считать короля источником всяких благ для народа, была естественной мысль обратиться за помощью к королю. Будет король в Париже, будет и хлеб в Париже. Будет король в Париже, будет и хлеб в Париже, — вот о чем мечтали простодушные, неискушенные в высокой политике люди. Но надо было бы рассмотреть и другой момент.

И далее он перечислял расходы и долги, которые, по его мнению, можно было бы совершенно свободно сократить... И он обвинял Неккера в том, что тот вошел в соглашение с врагами народа, и доказывал, что Неккер — не государственный человек, а просто авантюрист.

Эти нападки на все еще популярного министра вызвали приостановку газеты и приказ об аресте Марата. Так начиналась полоса гонений и преследований неукротимого журналиста.

Марат ушел в подполье: он скрылся у своих друзей. Его газета не выходила целый месяц. За это время произошли важные события.

В Париже был хронический недостаток хлеба. В то же время в окрестностях столицы появились какие-то новые войска, новые полки, которые же нуждались в продовольствии и, следовательно, отнимали хлеб у парижан. Далее, парижане выкли, что правительство снабжает их дешёвым хлебом, это было особенно важно в период этого застоя в делах и массы безработных, а потому хлеб становилось все меньше и меньше.

Еще 16 сентября Марат писал:

«В настоящее время снова дают себя чувствовать все ужасы голода, лавки булочных покрываются осадой, народу нехватает хлеба, и многие готовы погибнуть с голода после сбора богатого урожая. Кому мы обязаны этими бедствиями — ярости ли общественных врагов, жадности ли монополистов, неопытности или неграмотности управителей?»

Слова Марата конечно доходили до тех, кому они были предназначены. В чем же был выход? Для людей, привыкших с давних пор считать короля источником всяких благ для народа, была естественной мысль обратиться за помощью к королю. Будет король в Париже, будет и хлеб в Париже. Будет король в Париже, будет и хлеб в Париже, — вот о чем мечтали простодушные, неискушенные в высокой политике люди. Но надо было бы рассмотреть и другой момент.

Знаменитая ночь 4 августа подняла против себя всю придворную партию. Под ее давлением король задержал утверждение декрета об уничтожении феодального режима до 21 сентября и то лишь условно. Сопrotивлялся он и утверждению конституции. Все это было известно в Париже, было известно, что в Версале что-то замышляется, так как в Парижу стягиваются войска, в значительной степени состоящие из иностранных наемников. Были слухи и о том, что короля куда-то хотят увезти. Все это волновало народ и приводило к одной мысли: надо доставить короля в Париж, тогда будет и сытнее и спокойнее. Более же искушенные в политике полагали, что за королем и его приспешниками наблюдать будет легче в Париже, чем в Версале. Поэтому и они поддерживали в народе мысль о необходимости переезда короля в Париж. Нужен был только удобный повод для осуществления этого плана. Такой повод явился очень скоро.

Первого октября в Версальском дворце был устроен банкет, на котором присутствовало большое количество офицеров. На этом банкете произносились контрреволюционные речи, клялись в верности королю, срывали революционную трехцветную кокарду и заменяли ее белой кокардой, символом монархии.

волею неограниченной монархии, и т. д. Следствием этого был разгул монархических чувств. Подобный банкет был повторен 3 октября, хотя и в отсутствие короля, но в таком же ярко контрреволюционном духе.

Как только в Париже узнали об этом, там медленно забили тревогу. «Марат, — по слухам, одного писателя, — летит в Версаль, словно птицы возвращается обратно и один поднимает тревогу, как трубы всех четырех архангелов в день страшного суда. Он кричит: «Мертвые вставайте! Бьют тревогу и другие популярные деятели, говорят о заговоре, имеющем целью увести короля Мец, и т. д. Все это приводит к известным результатам: 5 октября начался поход женщин — целая армия женщин, захватив пики, ружья и даже пушки, отправилась в Версаль за хлебом и кхлебом. Теперь мука у нас есть и зерно; Голодной смерти нам бояться не должно, Тревожиться теперь не будем ни о чем,

и женщины во время обратного похода и кричали: «мы возьмем булочника, булочницу и пекаренку», разумея под этим короля с его семьей и выражая надежду на лучшее будущее. Даже Марат по поводу этого события писал: «Это праздник для добрых парижан, что они завладели, наконец, своим королем; с его прибытием бедный народ не встретит больше от голода». Конечно, это была слишком радужная оценка положения, но Марат был прав в том, что народ действительно «завладел» королем.

Он писал следующее:

«Для добрых парижан действительно большая радость иметь опять у себя своего короля... Несчастный народ больше не будет голодать; но это счастье скоро разлетится подобно сну, если не удержим у себя королевской семьи до той поры, пока не будет полностью утверждена конституция. Друг народа разделяет радость своих добрых сограждан, но он не будет спать».

С этого момента король оказался как бы в плену у «любящего» народа, жил под постоянным наблюдением, и все его попытки создать себе независимое положение были заранее обречены на неудачу: слишком много зорких глаз наблюдало за каждым его шагом.

Так передавала простонародная песня то время настроение этой армии женщин. Результат похода известен: 6 октября король с семьей был торжественно перевезен в Париж, сопровождаемый целой армией женщин, национальной гвардией, дворцовой охраной, депутацией Наварры с разгромами лавок и даже с убийствами нескольких депутатов и т. д., причем шествие загромождено было толпой.

дало «военный закон», разрешавший разгонять вооруженной силой скопления людей на улицах. Заминщикам беспорядков грозила смертная казнь. Несколько рабочих было повешено по обвинению в убийстве булочника и в подстрекательстве к бунту. Этим Учредительное собрание начинало показывать, чьи интересы оно оберегает и охраняет. Вскоре оно провело и свой избирательный закон. Будущее Законодательное собрание, по которому к законодательной деятельности призывались лишь зажиточные лица, а огромная масса пролетариата и мелкой буржуазии устранялась от политической деятельности. Таким образом, нарушались принципы декларации прав, провозглашавшей политическое равенство всех граждан. Крупная буржуазия, укрепляя свою власть, не постеснялась с самого начала создать себе привилегии за счет беднейших классов населения.

Как только Марату удалось снова (5 ноября) выпустить свой «Друг народа», он обрушился с жесткой критикой на «военный закон». Он писал:

«Трусливые граждане, люди, любящие спокойствие, счастливые выскочки, государственные пиявки и все жулики, живущие разными злоупотреблениями, больше всего боятся народных волнений, так как эти волнения могут разрушить их счастье и установить новый порядок. Поэтому они выступают против всего, что может пояснить народу его бедственное положение и напомнить ему об его правах».

И далее он высказывает ряд очень интересных соображений о народном восстании:

«Народ восстает только тогда, когда он доведен до отчаяния тиранией. Сколько должен выстрадать прежде чем прибегнет к мести! Месть в принципе всегда справедлива. Разве не

но сравнить ничтожное количество жертв, убитых народом во время восстания, с бессленным количеством подданных, которых доводит до нищеты или которых он приносит в жертву своей ярости, жадности, славе или призам? Что значат несколько капель крови, пролитых чернью во время нашей революции, сравнению с потоками крови, пролитой Тиверием, Нероном, Каракаллой или Коммодом¹; с потоками крови, пролитой благодаря честному какому-нибудь Людовика XVI² и т. д.».

И дальше он прославляет народное восстание

«Несомненно, что нашу революцию подговорила, начала и поддержала философия, но ее писаний недостаточно. Нужны дела. Кому же обязаны свободой, как не народному восстанию. Мы всем обязаны восстаниям: и падением наших тиранов и их фаворитов, и унижением аристократии, и возвышением малых, и возвратом к свободе, и хорошими законами, которые ее поддерживают, укрепляя наш покой и наше счастье».

Поэтому военный закон, запрещающий собрание народа, был внесен только врагом народного блага; он был вырван только изменниками отечества, он создан только приспешниками тирании».

А по поводу избирательного закона он пишет, что благодаря ему страна попадает под власть богатых и что положение бедноты не улучшится

¹ Тиверий, Нерон, Каракалла и Коммод — императоры древнего Рима, прославившиеся расточительностью, развратом и жестокостями.

² Людовик XIV — «король-солнце» (1643—1715 гг.) — франц. король, крайне честолюбивый. — Государство — это говорил он. Разорил народ своей крайней расточительностью, длительными войнами истребил массу народа.

ными средствами. Но законы действительны лишь до той поры, пока народ согласен им повиноваться. И если буржуазия уничтожила привилегии дворянства, то никто не может воспрепятствовать бедноте покончить с привилегиями богатых.

12 декабря 1789 г. Марат был, наконец, арестован и доставлен в комитет по расследованию политических преступлений, а оттуда, после довольно мирного собеседования, его направили в полицейский участок, где Марата стали горячо упрекать за его беспрерывные нападки на различных деятелей муниципалитета. Он ответил им вразумительно и просто: «Эх, господа, разве вы не чувствуете, что это только маленькие неприятности переходного периода от рабства к свободе. И неужели вы действительно верите, что революция, подобная нашей, может совершиться без кое-каких неприятностей или единой капли крови? У меня нет никаких враждебных намерений против вас, но если бы пришлось выбирать между трауром по комитету полиции или трауром по свободе, я не стал бы колебаться. На прощание я открою вам секрет, как не попасть на фонарь¹: будьте добрыми патриотами».

Они мирно расстались, и один из видных чиновников даже сказал Марату: «Продолжайте писать, мой друг, и разоблачайте негодяев». Это дружеское собеседование не избавило, конечно, Марата от преследований в дальнейшем.

В конце декабря Марат выступил с резкой критикой плана новой организации армии. Военный министр предлагал создать наряду с национальной милицией еще постоянную регулярную армию в 60 000 человек. Марат указывал, что этот проект

¹ Попасть на фонарь — быть повешенным. Ред.

обременителен для государственной казны, а, главное, опасен для народа, так как эти 60 000 человек, находясь под командой офицеров-дворян, всегда могут быть направлены против народа. Поэтому Марат требовал замены и этих 60 000 соответствующим количеством народной милиции.

Эта критика сошла благополучно, но скоро Марату пришлось пережить крупные неприятности.

18 января 1790 г. он выпустил брошюру, озаглавленную «Обвинения, выставленные Маратом, другом народа, перед общественным судом против министра финансов Неккера». В этой брошюре Марат выступал против Неккера как банкира, имеющего капитал, доходящий до 13-14 миллионов франков. Он писал: «Его богатство заслуживает только презрения в моих глазах, так как оно нажито ажиотажем¹. Поставить спекулянта во главе финансов — значит вручить жулику управление государственной казной, значит погубить государство». Затем он разбирает политику Неккера и представляет его «как ловкого человека, стремящегося примирить интересы врагов государства с интересами народа и старающегося сохранить свое место, для чего ему приходится сидеть между двумя стульями». Марат шаг за шагом рассматривает действия Неккера накануне падения Бастилии, когда он скрыл от Национального собрания план двора разогнать Генеральные штаты и потопить в крови революцию. «Умолчать о заговоре, который он должен был разоблачить, — говорит Марат, — это значит быть соучастником его. Неккер не разоблачил его. Какой же вывод отсюда? А тот, что на-

ция или должна покарать его, как изменника, или отстранить его, как болвана. Он может выбирать».

А продовольственный вопрос? Ведь он достаточно остро стоял не только после голода 1788 г., но и после хорошего урожая 1789 г. Марат считает, что причиной недостатка хлеба и высоких цен на него является безудержная спекуляция и вывоз хлеба за границу. И он обвиняет Неккера в покровительстве спекуляции, так как, по его мнению, Неккер желал подавить революцию при помощи голода. Неккер виноват и в том, что, вместо сокращения расходов по цивильному листу короля и вместо обложения налогами врагов революции, он вводит налоги, лежащиеся всей своей тяжестью на неимущих. Этим Неккер, по мнению Марата, хочет вызвать ненависть к новому строю.

Наконец, Марат спрашивает Неккера, не был ли он соучастником событий, предшествовавших дням 5-6 октября, и упрекает его в том, что он унижил достоинство монарха, заставив Людовика XVI показать себя сначала деспотом, а потом перейти к тону просителя. Благодаря этому, враги Франции смогут очень плохо судить о народе, правительство которого само не знает, чего хочет.

И Марат требовал, чтобы Неккер публично оправдался во всех этих обвинениях.

Как же ответил Неккер на обвинения Марата? Ответ был не менее выразителен, чем сами обвинения.

22 января 1790 г. была снаряжена целая военная экспедиция для ареста Марата, так как власти опасались, как бы сторонники популярного журналиста не вступились за него. Один очевидец этого похода говорит: «Лафайет двинул против Марата целую армию в 6 000 человек и поставил на всех перекрестках улиц, ведущих к дому Марата,

¹ Ажиотаж — спекуляция, метод, употребляемый буржуазией на бирже, заключающийся в создании искусственного повышательного настроения в целях наживы. Ред.

по две пушки. Эти военные действия были столь необычны, что, не будь я очевидцем, я не поверил бы этому». Марат, во время предупрежденный, скрылся, а национальные гвардейцы, не найдя его самого, забрали его бумаги, опечатали типографский станок и удалились с криками: «На фонарь Марата!». Дело принимало серьезный оборот. Марат скрывался некоторое время у друзей, а затем, видя невозможность выпускать при сложившейся обстановке газету и желая несколько отдохнуть от преследований, уехал в Англию. Перед отъездом он распорядился вернуть подписчикам деньги, внесенные ими за газету «Друг народа».

ГЛАВА III

Марат в Англии. Новые политические труды. Опять во Франции. «С нами покончено!». Новый призыв к восстанию. Снова в подполье. Бойня в Нанси. «Ужасное пробуждение!». Критика «великих» людей. Женитьба Марата.

В Англии Марат оставался четыре месяца. Он не потерял даром этого времени. Как бы желая вознаграждать себя за вынужденное молчание во Франции, он выпустил одну за другой три брошюры, в которых высказал то, что у него наболело на душе.

Первая брошюра носит длинное заглавие: «Обращение к нации Ж. П. Марата, друга народа, гражданина округа Кордельеров и автора многих патриотических произведений, против министра финансов, муниципалитета и Шатлэ, сопровождаемое изложением настоятельных причин необходимости сместить этого руководителя государственными финансами, очистить эту корпорацию и уничтожить этот трибунал, опасную опору деспотизма».

■ Уже самое заглавие брошюры показывает ее характер. Марат дает объяснение, почему он должен был выступать против тех, кого он считает контрреволюционерами. «Меня обвиняют,—говорит он,—что я был несдержан в своих выступлениях. Но неужели я, к которому со всех сторон обращались с жалобами на представителей власти, к которому вызвали группы угнетенных, неужели я, возмущенный постоянными злоупотреблениями властей и все новыми покушениями клеветников¹ деспотизма, не мог не вспыхнуть негодованием против творцов стольких преступлений и не высказать им всего отвращения, наполнявшего мою душу?». Затем он подробно объяснял, какое преступление совершали Учредительное собрание, муниципалитет, Шатлэ и Лафайет своей военной экспедицией 22 января 1790 г., которая могла превратить столицу в арену гражданской войны. В заключение он давал интересную характеристику своих современников-французов:

«Мы не умеем любить и в то же время создаем себе идолов. Мы ласкаем наших врагов и пренебрегаем друзьями; мы чествуем ловких жуликов, устраивающих заговоры против нас, и отталкиваем от себя мудрых людей, которые просвещают нас; мы поклоняемся лицемерам, стремящимся нас погубить, и покидаем порядочных людей, которые жертвуют всем, чтобы спасти нас».

Эта брошюра должна была послужить уроком и предостережением тем, кто еще был ослеплен Некером, Лафайетом, Бальи и т. д. А кроме того, Марат без излишней скромности давал понять своим читателям, кто является их истинным другом, мудрых советов которого они не слушали.

¹ Клевет — приверженец, сторонник. Ред.

Во второй брошюре «Письмо о правовом прядке» он высказывал свои соображения о суд присяжных, о государственном трибунале и т. п. ^{многочисленных подделок». Популярность газеты} «Друга народа», против чего Марат неоднократно протестовал. Правительство посмотрело сквозь пальцы на возобновление деятельности опасного журналиста и ждало только удобного случая, чтобы обрушиться на него на законном основании.

Наконец, третья брошюра была направлена против Неккера. Она называлась: «Новые обвинения Марата, друга народа, против Неккера, переселителя министра финансов, или дополнение к обвинению одного гражданина против агента власти». Марат развивал усиленную деятельность. Одновременно с «Другом народа» он выпускал для беднейших слоев парижского населения газету «Французский Юний (l'unius francais)». Ему удалось выпустить 13 номеров. Кроме того время от времени он выпускал памфлеты и расклеивал их на стенах Парижа. Его памфлет «Адский план врагов революции», в котором он разоблачал тайные планы Мирабо, Лафайета и Сиеса¹ о свержении министерства, и о распределении между собой министерских портфелей, вызвал большой скандал. На Марата была сделана форменная облава. Ему пришлось скрываться, постоянно меняя местопребывание. Но это не ослабило его энергии. Он писал об этом в «Друге народа»:

В этой брошюре Марат приводит ряд фактов, рисующих злоупотребления с продовольствием контрреволюционной целью, и указывает, что совершались с ведома или под покровительством Неккера. Он называл в ней ряд лиц, замешанных в этих темных делах, и указывал на их связь с Неккером. Словом, эта брошюра должна была дополнить все прежние обвинения Марата, направленные против Неккера.

Тем временем Учредительное собрание проводило ряд важных законодательных актов: была проведена реформа уголовного законодательства, был запрещено членам Учредительного собрания занимать места в правительстве, была объявлена свобода культов, установлено равенство в уголовном суде, уничтожены lettres de cachet (приказы о бессудных арестах), объявлена продажа церковных имуществ, установлен суд присяжных, — словом, был проведен ряд реформ, осуществления которых так горячо добивался Марат в своих статьях. Как залось, что подул свежий ветер и становилось легче дышать. Марат решил, что пора возвращаться.

18 мая 1790 г. газетчики кричали на улицах: «Возвращение друга народа и его протест против»

¹ Сиес Эммануэль Жозеф, аббат — полит. деятель врем. Вел. франц. револ., принадлежал к левым, стал затем сторонником Наполеона Бонапарта. Ред.

Это он писал 23 июля 1790 г., а через три 26 июля, на стенах Парижа появилось новое воззвание Марата под заголовком: «С нами покойно!». Воззвание было составлено в крайне резких выражениях и говорило об очень серьезных преступлениях. В нем высказывалось определенное предложение, что существует негласное соглашение короля с Австрией и эмигрантами, в силу которого те должны двинуться на Париж, чтобы заставить народ покаяться в своих заблуждениях.

«Граждане. — говорилось дальше в воззвании — вы погибли навсегда, если вы не возьметесь за оружие, если вы не обретете в себе вновь то героического мужества, которое дважды, 14 июля и 5 октября, спасло Францию. Пока еще поздно поспешите в Сэн-Клу, привезите обратно в Париж короля и дофина, держите их под жесткой охраной, и пусть они будут заложниками при грядущих событиях. Заточите австриячку ее свояка; захватите всех министров и их доверенных, закройте их в цепи; захватите главу муниципалитета и его подручных; следите за генералом; арестуйте штаб; захватите артиллерийский парк на Зеленой улице, овладейте все пороховыми погребами и мельницами; распределите пушки между всеми районами... Спешите, спешите, пока еще не поздно, или неприятельские легионы вскоре обрушатся на вас! Вы скоро увидите, что привилегированные сословия опять поднимают голову, а деспотизм, отвратительный деспотизм, вновь появится более страшный, чем когда-либо. Пять или шесть сотен отрубленных голов обеспечили вам покой, свободу и счастье; ложная гуманность удержала ваши руки от удара; за нее платятся жизнью миллионы ваших братьев».

Это был подлинный призыв к восстанию, призыв с указанием плана действий и лиц, которых надо было захватить, обезвредить или уничтожить. Знаменитая фраза о пяти или шести сотнях голов, за которую столько раз впоследствии упрекали Марата, говорила прямо и решительно о необходимости раз и навсегда покончить с главными врагами народа. Но до восстания еще было далеко. Противник был силен, и за Маратом не стояло никакой организованной силы. Его воззвание только заставило насторожиться тех, против кого оно было направлено. В Учредительном собрании депутат Малюэ заявил, что существует заговор захватить короля, бросить в тюрьму королеву, перерезать несколько сот человек: «Негодяи высказывают и публикуют все эти ужасные вещи; они возбуждают народ к ярости, к пролитию крови, они нападают на основы конституции и свободы».

Учредительное собрание постановило, чтобы прокурор суда Шатлэ привлек за оскорбление нации автора, владельца типографии и газетчиков, распространяющих произведение, возбуждающие народ к восстанию против законов, к кровопролитию и к ниспровержению конституции.

Марату пришлось еще глубже уйти в подполье, но это не помешало ему выпускать свою газету, а 11 августа он выпустил новое воззвание «Нас усыпляют. Будем на чеку!». В нем он протестовал против действий прокуратуры, начавшей дело о виновниках событий 5—6 октября, и доказывал, что внимание народа хотят отвлечь от настоящих контрреволюционных заговорщиков, создав процесс против мнимых заговорщиков. Эти люди «возобновляют с треском дело о выдуманном заговоре против королевской семьи... Неужели, французы, вы всегда будете терпеть, чтобы ва-

ши беспощадные враги обращались с вами, как с дураками?».

Не успело изгладиться впечатление от этого воззвания, как 26 августа появляется новое: «Это прекрасный сон, но бойтесь пробуждения!». В нем Марат предупреждал против ложного ослепления якобы достигнутыми успехами, кажущимся умиротворением страны и т. п. Он заканчивал его многозначительными словами:

«Всегда ли друг народа будет напрасно звать к вам? Подумай о своих бедах, трусливый и неразумный народ! И если ничто не может пробудить в тебе чувства долга, влачи твои дни в угнетении и нищете и закончи их в позоре и рабстве».

Марат оказался прав, описывая далеко не розовыми красками создавшееся положение. В августе разыгрались кровавые события в гарнизоне г. Нанси. В армии вообще царило несогласие между солдатами, сторонниками нового режима, и офицерами, почти поголовно принадлежавшими к феодальному дворянству и не питавшими никакого расположения к реформам. На этой почве происходило много столкновений между офицерским корпусом и солдатами, не склонными переносить прежнюю палочную дисциплину. Солдатские волнения происходили во многих гарнизонах, но самые крупные из них возникли в Нанси, где швейцарцы полка Шатовье потребовали отчета у хозяйственной части полкового управления, неправильно удерживавшей у них жалование. Получив отказ на свое требование, три полка возмутились против командного состава. Против них была отправлена карательная экспедиция во главе с генералом Буйе, командиром армии, стоящей у северной границы.

Он жестоко подавил восстание, причем было повешено 27 человек, а 41 человек были приговорены к каторжным работам. Национальное собрание, по предложению Мирабо, торжественно благодарило Буйе, но его действия вызвали сильное раздражение среди всех оппозиционных элементов страны.

Уже 31 августа Марат выпустил новое воззвание: «Ужасное пробуждение!». Он указывал, что, наконец, наступила та катастрофа, о которой он предупреждал, и он доказывал, что

«солдаты гарнизона Нанси не виновны: они угнетены, они противятся тирании и имеют право на это. Виноваты только их начальники».

Он заклинал помочь солдатам и арестовать их командиров, чтобы «казнить их на алтаре свободы». И вместе с тем он призывал изгнать депутатов из Учредительного собрания и выбрать на их место других, более достойных, так как нынешний состав Учредительного собрания не внушает никакого доверия...

«Это — банда врагов революции, заговорщиков, предателей. Это — презренные враги свободы по своему происхождению и по принципу, а вы имеете глупость смотреть на них, как на представителей нации, смертельными врагами которой они являются».

Марат выпустил еще два воззвания, посвященные избиению в Нанси, и жестоко клеймил депутатов, особенно старавшихся о посылке карательной экспедиции, в частности Мирабо. Про короля, к которому он относился довольно снисходительно раньше, он писал, что тот остается в его глазах «человеком, забрызганным кровью патриотов Нанси». А Лафайету он обещал посвятить

специальный номер. Но это ему не удалось: по приказу Лафайета была разгромлена типография, в которой печаталась газета Марата, и ему самому пришлось усиленно скрываться; он прятался в темных подземельях, где работал при свете огарков и совершенно расстроил свое здоровье подобным пещерным образом жизни. В дальнейших номерах своей газеты он все же неоднократно выступал против Лафайета и вызывал целые вооруженные экспедиции против типографий, в которых печатался «Друг народа». Он не упускал случая высказываться по поводу каждого мало-мальски значительного акта Учредительного собрания, и, когда оно утверждало положение о новом уголовном суде, Марат советовал согражданам не допускать в новые судебные установления старых судебных деятелей или же допускать только тех из них, кто зарекомендовал себя патриотизмом и способностями.

Интересно отметить, что выступления Марата в эту эпоху против отдельных видных деятелей революции и самого короля, казавшиеся многим из его современников совершенно необоснованными и неуместными, были совершенно оправданы дальнейшим ходом событий и показали, насколько прав был Марат в своих, как говорили с насмешкой, «пророческих» предупреждениях.

Вот, например, «великий Мирабо», человек, которого одно время чуть не боготворила демократическая Франция, человек, обладавший громадным ораторским талантом, бывший одной из самых видных и влиятельных фигур Учредительного собрания. Но Марат не был ослеплен им. Он неоднократно нападал на него и доказывал, что «Мирабо-громовержец», этот современный «Де-

мосфен»¹ и «Геркулес»², при всех своих талантах является в действительности врагом революции и продажной личностью, заботящейся только о том, чтобы играть первую роль на политической арене. Марат, со свойственной ему проницательностью, доказывал, что «святой» Мирабо подкуплен теми, кому выгодно было использовать в своих интересах его ораторский талант и влияние.

«Еще два года тому назад,—писал Марат,—Рикетти (Мирабо) должен был закладывать в ломбарде свои штаны за шесть франков; теперь же он утопает в роскоши; у него три любовницы, которых он осыпает подарками; у него открытый стол, и он уплатил свои долги».

И далее Марат делает приблизительный подсчет, за сколько проданся Мирабо, и приводит цифры: 2 850 000 ливров, из которых ушло на приобретение домов и земель 2 250 000 ливров, на уплату старых долгов 300 000 и на покупку библиотеки Бюффона 300 000. И когда видные деятели той эпохи с грустью сообщали о смерти Мирабо, «этого красноречивого и добродетельного гражданина», когда они требовали погребения Мирабо в Пантеоне, когда сотни тысяч парижан пробовали погребальную колесницу Мирабо, Марат мог казаться плохим пророком и только мелким завистником. Но когда в декабре 1792 года был вскрыт потайной шкаф Людовика XVI и там были найдены документы, изобличающие всю продажность «великого Мирабо», тогда и только тогда поверили в былые предсказания Марата и многие поздра-

¹ Демосфен — политический деятель и блестящий оратор в древней Греции (в Афинах), живший в IV в. до христ. эры. Ред.

² Геркулес — название легендарного греческого героя Геракла, отличавшегося большой физической силой. Ред.

вляли его с тем, что его слова подтвердились. На это он мог только с горечью ответить:

«Ах, что мне в том, господа, что у вас теперь открылись глаза и что вы теперь признаете мою правоту в этом вопросе. Ведь вы не стали более справедливыми, мудрыми или предусмотрительными».

Так было и с рядом других его предупреждений относительно тайных махинаций короля, его переговоров с иностранными державами о подавлении революции, его планов бегства за границу и т. п.

Таковы же были его предупреждения относительно неблагонадежности Лафайета и других деятелей. И он оказывался прав. Многие смеялись над его «пророчествами», но он спокойно отвечал им:

«Дорогие граждане, меня считают пророком, но я такой же пророк, как и вы. Я только глубоко знаю различные комбинации всех пружин политической машины, углубляться в познание которой вы не желаете. Когда я вижу действие того или иного передаточного механизма, я сейчас же замечаю, приводит ли его в движение рука неопытного человека, не знающего, что он делает, или же рука шарлатана, желающего его испортить».

И он был прав, говоря таким образом. У него было достаточное знакомство с политической жизнью, достаточно понимания интересов, двигающих людскими поступками, чтобы он мог претендовать не на звание пророка конечно, а на звание человека, лучше очень многих разбирающегося в сложном переплете политической игры, обусловленной борьбой классов.

Отметим здесь один момент из личной жизни Марата, имевший большое значение в его дальнейшей деятельности. Мы говорим об его браке с Симоной Эврар, дочерью плотника, горячо помогавшей Марату и укрываться и работать над изданием газеты. А муж ее сестры был наборщиком и принимал непосредственное участие в наборе маратовских изданий. У Симоны повидимому были небольшие средства, которые она отдала Марату на его издания после его возвращения из Англии. Так по крайней мере можно думать на основании слов сестры Марата Альбертины, которая заявляла в печати, что Марат, имевший поддержку у малосостоятельных людей, пал бы под тяжестью своих несчастий, если бы его не поддерживала женщина, «которая отдала ему все свое состояние и свой покой». Симона была на 20 лет моложе Марата, но разница в годах не помешала ей всецело проникнуться его интересами и стать горячей помощницей во всех его начинаниях. Они не заключали формального брака, что позволило недругам Марата обливать потоками грязи его и его подругу, но и родные и друзья Марата считали Симону его женой и высоко ценили ее. Надо сказать, что подобный «свободный брак» очень характерен для Марата и его жены и показывает, что они умели стоять выше предрассудков своего времени.

ГЛАВА IV

1791 год. Вопрос о присяге. Рабочий вопрос. Закон Лешапелле. Бегство короля. Бойня на Марсовом поле. Конституция. Разочарование Марата.

Наступил новый 1791 год. Марат продолжал скрываться, но также неумоимо выпускал свою газету. В феврале враги Марата распространили слух, что он не принес гражданской присяги на

верность конституции. Многих патриотически настроенных граждан это объявление привело в смущение — ведь все «добрые» граждане принесли такую присягу в день праздника Федерации 14 июля 1790 г., — и Марат, чтобы успокоить их, а заодно и высказать свои взгляды на этот вопрос, напечатал в «Друге народа» длинное объявление, в котором говорил между прочим следующее:

«Господа, вы не подумали о том, что моя гражданская присяга запечатлена огненными буквами на страницах «Друг народа». Спросите врагов отечества: разве 18 месяцев их жестоких преследований недостаточны, чтобы была очевидна искренность ее?».

И, далее, он высказывает свои взгляды на верность нации, закону, королю и конституции:

«Просвещенный гражданин может быть верен только нации и только потому, что он является частью ее, т. е. потому, что он находит свое частное благо в общем благе». «Честный гражданин обязан повиноваться законам, но лишь постольку, поскольку они справедливы и мудры». «Свободный и справедливый гражданин сознает, что он обязан королю только уважением, так как тот является лишь государственным чиновником. Каким образом он должен быть верным ему, если верность всегда предполагает для одной стороны господство, а для другой подчинение?».

Установив эти положения, он приводит свою присягу:

«Клянусь на алтаре истины, что справедливость и свобода всегда будут моими любимыми богинями, какими они и были всегда».

«Клянусь всегда смотреть на родину, как на мать, защищать ее с опасностью для жизни и,

если нужно, принести себя в жертву для ее спасения». «Клянусь уважать до последнего издания только те декреты Национального собрания, которые будут соответствовать Декларации и прав человека, единственно законной основе конституции; поддерживать те из них, которые не нарушают ее, и отвергать нарушающие ее и не успокаиваться до той поры, пока они не будут отменены».

«Клянусь никогда не жертвовать правами народа для представителей власти и скорее умереть с голода, чем продать его интересы».

«Наконец, я клянусь сделать делом своей чести обучение народа его правам, внушать ему смелость в защите их и побуждать его каждый день добиваться их».

А через несколько дней Марат, опровергая мнение тех, кто опасался анархии при слишком критическом отношении населения к законам, писал:

«Пусть не говорят, что получится полная анархия, если каждый будет иметь право извучать законы и отказываться повиноваться им, раз он признает их несправедливыми. Я отвечаю, что это возражение неосновательно, ибо для того, чтобы законы были справедливы, они не должны противоречить признанным правам человека и гражданина, признанным правам нации... И противодействие законам должно иметь место только тогда, когда еще создается конституция и когда законы еще не вполне утверждены народом. Но торжественное утверждение их народом после того, как могло свободно проявиться и высказываться общественное мнение, дает им печать уважения и силу подчинения». Другими словами, законам следует повиноваться, если они: 1) основываются на общепринятой

всеми декларации прав человека и граждан. 2) если их подготовили народные избранники; 3) если общественное мнение могло уяснить их себе во время их обсуждения; 4) если общественное мнение было свободно и 5) если оно дало им санкцию.

Таким образом, из гражданской присяги Матье и его раз'яснений о законах мы лишний раз видим, что его позиция была на крайнем левом фланге буржуазной демократии. Его понятия «справедливость» и «справедливость» сводились к самому жестокому народоправству, к всенародному обсуждению, при содействии политико-просветительных работ, законодательных актов. Его преклонение перед Декларацией прав, которая утверждала неприкосновенность и священность собственности явно показывает, что он был далек от более поздних течений, выразителями которых позднее являлись так называемые «бешеные» и Бабеф с коммунистическими стремлениями. Но и его позиция была совершенно неприемлема для большинства Учредительного собрания, последовательно проводившего политику укрепления власти крупной буржуазии.

Эта политика особенно ярко проявлялась в рабочем вопросе.

1789 год был голодным годом, но в 1790 и 1791 годах урожаи были хороши, и это сразу отразилось на общем экономическом положении. Началось оживление в промышленности и торговле, повысились покупательные способности внутреннего рынка, снова стали появляться иностранные клиенты за товарами. В Париже оживилась строительная деятельность, что объяснялось в значительной степени желанием состоятельных людей вла-

деть в недвижимую собственность свои капиталы и предохранить их таким образом от обесценения в случае нового падения денежного курса. За это время много безработных ушло из города на сельские работы. В Париже уже наблюдался даже не избыток, а недостаток строительных рабочих. Естественно, что при таких условиях начало оживляться рабочее движение, началась борьба за увеличение заработной платы, что было вполне закономерно ввиду падения курса ассигнаций, начались стачки. С весны 1791 года идет большое стачечное движение главным образом среди строительных рабочих и печатников. На последних тоже был большой спрос благодаря огромному росту прессы за период революции. Поводом к стачке послужило нежелание предпринимателей обсуждать совместно с представителями рабочих вопрос о повышении заработной платы. Стачка разразилась и охватила до 80 000 рабочих. Хозяева внакладе постарались воздействовать на рабочих через парижский муниципалитет. Этот последний ничего не мог поделать: ни воззвания его, в которых указывалась незаконность стачек, ни меры репрессий вплоть до ареста бастующих не сломили их воли. Тогда предприниматели обратились непосредственно в Учредительное собрание с петицией освободить их от «тирании рабочих». Они также указывали, что стачка может распространиться на всю Францию, что нанесет «роковой удар» французской торговле. Муниципалитет же, по их словам, был бессилен сделать что-либо. Рабочие со своей стороны также представили объяснительную записку в Учредительное собрание, где, уверяя собрание в своем патриотизме и верности законам, просили обратить внимание на их нужды, на ничтожную заработную плату и на непомерно продол-

жительный рабочий день, который они просили сократить до 13 часов.

Учредительное собрание конечно пошло навстречу хозяевам и поручило члену Конституционного комитета Ле-Шапелье выработать проект закона о стачках. Он выполнил это с большой поспешностью, и 14 июня 1791 г. соответствующий закон был принят Учредительным собранием, а 17 июня подписан королем и вошел в силу. Наиболее существенными статьями закона были те, которые запрещали восстание каких бы то ни было корпораций горожан одной и той же профессии, т. е. в данном случае рабочих союзов, запрещали стачки, запрещали распространение воззваний с угрозами против предпринимателей или штрейкбрехеров, а сопротивление стачечников полиции приравнивалось к мятежным действиям, что давало право властям провозглашать военное положение и действовать вооруженной силой. Правда, этот же закон запрещал и союзы предпринимателей, но в нем была сделана оговорка, в силу которой разрешалось собираться коммерческим палатам, так как коммерсантам необходимо «поговорить сообщами о своих делах».

Одновременно с этим законом прошел и декрет об упразднении благотворительных мастерских, в которых в голодную пору работало несколько десятков тысяч человек. Этим актом на рынок труда выбрасывалось большое количество рабочих, которые могли заместить стачечников. Таким образом, предприниматели получали полное удовлетворение. Одно время опасались волнений в связи с закрытием благотворительных мастерских, но все обошлось спокойно. Рабочий класс не был организован для оказания какого-либо сопротивления наступлению буржуазии.

Спрашивается, как же отнеслось к этому закону общественное мнение и как откликнулся на него Марат?

Мы знаем, что в самом Учредительном собрании кон Ле-Шапелье не встретил сколько-нибудь принципиальных возражений со стороны даже наиболее демократически настроенных депутатов. Большинству их действительный смысл закона был ясен. В то время господствовало воззрение, что между государством и личностью не должно существовать никаких посредников. Есть государство и есть личность, они и договариваются между собой; всякого же рода союзы и тому подобные объединения нетерпимы, потому что они мешают «свободному» договору между личностью и государством. С этой точки зрения большинство деятелей и рассматривало закон Ле-Шапелье и, конечно, всячески приветствовало его. Истинный смысл закона, как решительного наступления буржуазии на пролетариат, как защиты интересов капитала против труда, был неясен даже большинству самих заинтересованных в проведении закона лиц.

Марат тоже не оценил социальной стороны этого закона, а обратил внимание лишь на его политическую сторону и упрекал законодателей в том, что они ограничивают право коллективных петиций и собраний для занятий общественными делами. «Представители привилегированных сословий, — пишет Марат, — всегда стремились только к восстановлению деспотизма на развалинах свободы, завоеванной народом». И он обвиняет их в том, что они препятствуют гражданам собираться для защиты общественной свободы. «Все их желания, — восклицает Марат, — устремились к тому, чтобы изолировать граждан и помешать им сообщ-

ща заниматься общественными делами». Другими словами, Марат во всем этом законе усматривал только контрреволюционный маневр, а не активное выступление капитала против труда. Повидимому и сами представители буржуазии не сознавали значения своего закона, но классовое чутье не обмануло их — недаром же этот закон просуществовал целых 73 года после обнародования его. А Марат, как и его современники, не понял его значения. Объясняется это прежде всего отсутствием классового подхода к оценке явлений социального порядка. Понятие «класс» в те времена было неопределенным понятием и постоянно подменялось словом «народ», особенно, когда говорилось о беднейших группах населения. Марат, как и огромное большинство его современников, не проводил строго разграничения общественных классов, а считал как бы единой политической массой пролетариев и ремесленников, подмастерьев и мелких торговцев, мелких крестьян, низших чиновников и пролетарскую интеллигенцию. Это и был для него «народ», угнетавшийся раньше аристократией, а ныне угнетаемый крупной буржуазией, «новой аристократией», как называл он ее. Для него существовало противоречие богатства и бедности, но не труда и капитала. Отсюда вытекает и его оценка этого закона.

ГЛАВА V

Бегство короля. Бойня на Марсовом поле.

Марат еще в марте месяце предупреждал своих читателей, что король собирается бежать за границу и что тогда будет покончено с патриотами и со свободой, так как король вернется с иностранными войсками, а Национальное собрание и

инициатива объявят о подчинении монарху. Марат требовал, чтобы короля не выпускали из Парижа, где он являлся заложником в руках народа.

Эти предупреждения Марата казались многим необоснованными и преувеличенными, но, как показали дальнейшие события, он оказался совершенно прав. Людовик XVI не мог примириться с потерей неограниченной власти и с укреплением нового порядка. Он надеялся на коллективное вмешательство монархов, а особенно на своего шурина, австрийского императора Леопольда. Шли длительные тайные переговоры с венским двором, который дал свое согласие на вмешательство в случае возникновения междоусобной войны. «Если нужно будет сжечь Париж, его сожгут, а жителей его уничтожат, так как против великого зла нужны великие средства», — говорил тайный посредник Людовика XVI, барон де-Бретейль. И Людовик, как и заранее готовясь к этим «великим средствам», отправил на имя своего кузена, испанского короля, протест против всех декретов, которые ему придется подписать. А для усыпления Учредительного собрания он решил надеть личину покорности и выжидать удобного момента для бегства, так как австрийский император обещал свое содействие после того, как король и королева скроются из Парижа и особым манифестом объявят об отказе от конституции. Попытка бегства в апреле не удалась, но 20 июня около полуночи король с семьей скрылся из Парижа по направлению к Лотарингской границе, где стояли войска генерала Буйе, участника заговора. Однако, Людовику не повезло: он был узан на пути к границе и задержан в Варенне. Кавалерийские отряды Буйе опоздали,

И королю пришлось вернуться в Париж под охраной многочисленных национальных гвардейцев.

Бегство короля вызвало большую тревогу во всей Франции, так как ждали, что оно приведет к войне с иностранными державами. Уже 21 июня Учредительное собрание дало распоряжение о закрытии границ, о воспрещении вывоза звонкой монеты, оружия и снаряжения. Были приняты все неотложные меры обороны. Но до войны на этот раз не пошло. Короля доставили в Париж, и Учредительное собрание, напуганное демократическим и республиканским движением, проявившимся в Париже и в провинции при известии о бегстве короля, решило во что бы то ни стало сохранить короля на троне. Хотя Людовик XVI перед отъездом оставил декларацию ко всем французам, в которой жаловался на непочтительное отношение Собрания к королевской власти, на стеснение своей свободы, на ограниченность гражданского списка (25 миллионов), на недостаток помещения в Тюильрийском дворце, но Учредительное собрание прикрыло короля своим авторитетом и представило историю с бегством как неудачную попытку похитить короля. Вся ответственность была возложена на Буйе, что было легко сделать, так как сам Буйе скрылся за границу и там издал манифест, в котором возлагал на себя одного всю ответственность за происшедшее. Но все же демократические элементы Парижа и ряда городов Франции требовали низложения короля-клятвопреступника и даже установления республики.

Марат чрезвычайно резко отозвался на сам бегство короля. Он доказывал в «Друге народа», что король недостойн трона и должен быть смещен. Перечисляя все факты двуличной, предательской политики короля, начиная с момента созыва Генеральных штатов, он писал:

«Столько актов обдуманного лицемерия, обмана, жестокости, вероломства, преступлений, столько и долгов, предательства и жестоких заговоров поставили Людовика XVI в ряды самых отвратительных тиранов. Какое доверие еще может питать нация к болвану, всегда готовому стать гнусным орудием преступлений чудовищ, окружающих его, или к мерзкому преступнику и убийце, который развлекается тем, что попирает ногами самые священные обязательства... Людовик XVI недостойн вновь взойти на трон. Это или опасный идиот, которого надо низложить, или же опасное чудовище, которое надо задавить, если желают обеспечить общественную свободу и народное благо. Негодующая нация лишает Людовика XVI своего доверия и объявляет его недостойным королевской власти».

Далее, он требует назначения регента, заключения в тюрьму Марии-Антуанетты, лишения прав на престол эмигрировавших братьев короля, а «негодяи Матье (Лафайет) и Бальи должны быть смещены как неспособные болваны». И, предсказав, что Учредительное собрание постарается затушить все это дело, Марат, обращаясь к населению, говорит: «Парижане, как не быть вам при вашем характере всегда игрушкой и жертвой негодяев, которых вы посадили над собой и которым вы слепо вручили управление государством? Неужели вы будете ожидать, что вас всегда будут раздирать ужасная анархия, пока какой-нибудь дерзкий негодяй не обуздает вас и не надеет на вас ярмо?».

И Марат продолжал вести энергичную пропаганду за низложение короля. В этом отношении

он не отставал от демократического движения, широкой волной разлившегося по Франции. Когда же Учредительное собрание, напуганное ростом республиканского движения, решило спасти монархию и ограничилось только временным изъятием у короля исполнительной власти впредь до принятия им всей пересмотренной конституции великом, в Париже разыгрались тревожные для буржуазии события.

15 июля был принят декрет, обелявший короля, 17 июля республиканские элеченты Парижа собрались на Марсовом поле для подписания на алтаре отечества республиканской петиции. Хотя петиционеры действовали вполне мирным путем и их собрание никому не было опасно, Учредительное собрание все же дало распоряжение мэру Парижа разогнать скопище на Марсовом поле. Национальные гвардейцы, двинутые к месту собрания Лафайетом, дали без всякого предупреждения несколько залпов по толпе, в которой были и женщины и дети. Толпа рассеялась, оставив на месте много убитых и раненых. После бойни начались репрессии и преследования руководителей демократического и республиканского движения. Видным деятелем, вроде Робеспьера, Дантона, К. Демулена, пришлось поприжаться в разных местах. Типография «Друга народа» была разгромлена, а ее владелица, гражданка Коломб, брошена в тюрьму. Весь тираж № 521 «Друга народа» от 17 июля был захвачен, и до 10 августа Марату не удавалось восстановить печатание своей газеты. Он перепечатал этот номер после 10 августа, и в нем он не постеснялся откровенно говорить то, о чем другие, может быть, еще только мечтали. Вот яркие отрывки его негодующей статьи:

«Еще дымится вокруг алтаря отечества кровь стариков, женщин и детей; она взывает о мщении, а подлый законодатель восхваляет и приносит общественную благодарность жестоким палачам и убийцам... Подлые законодатели, жалкие негодяи, чудовища, пресытившиеся золотом и кровью, привилегированные разбойники, торгующие с монархом нашим счастьем, нашими правами, нашей свободой, нашей жизнью, вы надеялись поразить террором писателей-патриотов и сковать их ужасом при виде убийств. Но я лгу себя надеждой, что они не оробеют. Что же касается «Друга народа», то вы уже давно знаете, что ваши декреты, покушающиеся на декларацию прав, являются для него кусками грязной бумаги. О, почему он не может объединить вокруг себя 2 000 решительных людей? Чтобы спасти отечество, он пошел бы во главе их вырывать сердце у дьявола Матье (Лафайета) посреди его многочисленных батальонов рабов, он спалил бы его во дворце монарха и его приспешников, он пригвоздил бы вас к вашим креслам и похоронил бы вас под пылающими развалинами вашей берлоги. Праведное небо! Почему он не может зажечь в душе своих сограждан пламя, пожирающее его душу? Почему он не может оставить тиранам всего мира грозный пример народной мести? О моя родина! Прими выражение моей скорби и моего отчаяния!».

Ясно, что такой стиль не выдерживал легальности пребывания автора на свободе, и Марат, упорно скрываясь в разных местах, все же пытался, хотя и с перерывами, выпускать свою газету. Это удавалось ему только благодаря поддержке многочисленных друзей.

Он определенно высказывался в это время за гражданскую войну.

«Да, я говорю вполне искренно; так как наша единственная надежда заключается в гражданской войне, то я творю молитвы, чтобы она вспыхнула возможно скорее».

Но до гражданской войны было еще сравнительно далеко. Учредительное собрание заканчивало свои работы по пересмотру конституции, чтобыступить место новому Законодательному собранию. 3 сентября текст конституции поступил на подпись короля, который, после долгих колебаний, подписал ее 14 сентября и принес присягу на верность ей, одновременно сообщив за границу, что считает свое согласие вынужденным. Была дана амнистия аристократам и республиканцам, заключенным в тюрьмы. Были устроены празднества. Крупная буржуазия торжествовала, полагая, что революция закончилась и что миновала опасность гражданской и внешней войны.

Спрашивается, что же давала эта конституция Франции или, вернее, что получили от нее различные классы населения?

Следует указать, что Учредительное собрание проделало действительно большую работу, но работу исключительно в интересах зажиточных классов. Буржуазные представители перестраивали всю Францию по буржуазному плану, стараясь подчинить своему воздействию все классы и сословия, начиная от короля с дворянством и кончая пролетариатом; они выработали основы нового государственного строя, организовали конституционную монархию, власть в которой принадлежала крупной буржуазии. Они расчистили путь капиталу в промышленности и сельском хозяйстве и закрепили власть в своих руках. Старый строй был

сломан. «Декларация прав человека и гражданина», объявляя основными принципами человеческого общества свободу, равенство и братство, не забыла объявить священной и неприкосновенной собственность, как основу общественного порядка, т. е. порядка буржуазного. Сословные привилегии, основанные на рождении, были отменены, но зато были укреплены привилегии, основанные на богатстве: новый режим, режим буржуазной аристократии, лишил $\frac{2}{3}$ населения избирательных прав, потому что они были лишены собственности. «Кто ничего не имеет, тот не член общества. Управление и законодательство — это дело собственника». Крестьянский вопрос получил лишь частичное разрешение, так как были безвозмездно отменены те сениориальные¹ права, которые уже перестали фактически существовать, а остальные права должны были быть выкуплены, причем на очень невыгодных для крестьян условиях. Даже общинные земли не были возвращены крестьянам. В области рабочего вопроса, как мы видим выше, был проведен закон Ле-Шапелье, запрещавший соглашения и стачки; против рабочих же по преимуществу был направлен и «военный закон». Очень радикальные меры были приняты против духовенства и дворянства. Не касаясь законов, устанавливавших новую, более демократическую организацию церковного управления, отметим, что были подорваны финансовые привилегии церкви декретом о переходе церковных и монастырских имуществ в собственность нации. А из конфискованных земель и земель дворян-эмигрантов был образован фонд национальных имуществ, пущенный в распродажу и раскупленный

¹ Сениор — землевладелец. Ред.

преимущественно представителями имущественной буржуазии.

Короче говоря, все усилия Учредительного собрания были направлены к тому, чтобы укрепить власть буржуазии и именно крупной буржуазии, так как она выигрывала от всех этих реформ. Мелкая буржуазия и идущие за ней ремесленники, рабочие и широкие массы крестьянства не могли, естественно, успокоиться на этом этапе революции. Люди, на плечах которых буржуазия строила свое благополучие, были лишены избирательных прав и не могли организоваться профессионально для защиты своих экономических прав. Их классовые интересы были принесены в жертву «новой аристократии». А это неминуемо должно было привести к новым конфликтам и к новым столкновениям. Вот почему были неправы те деятели, которые считали, что революция кончилась и начинается пора мирного строительства. Революция же в действительности переходила на новый этап своего развития. От нее пострадали старые привилегированные сословия, от нее же не выиграли широкие массы народной демократии (мелкая буржуазия, пролетариат, беднейшее крестьянство), поэтому можно было ждать дальнейшего углубления и усиления борьбы как политической, так и социальной. События развертывались таким образом, что все старания борющихся сторон направлялись, главным образом, на политическую борьбу.

Марат писал по поводу окончательного утверждения конституции:

«Поздравляю августейшее¹ собрание. Благодаря превосходной конституции, которую вы,

¹ Августейшее — достойнейшее. Ред.

господа, даете Франции, порядочному человеку тут нечего делать. А так как можно попасть на галеры, защищая права нации, или опасаться веревки, высказывая печальные истины гг. Капетами¹, то друг народа уведомляет нас, что он готов отказаться от безумного намерения принести себя в жертву для общественного блага и будет думать только о восстановлении своего состояния, дойдя до нищеты в погоне за этим неразумным проектом и будучи даже обворован у некоторых граждан, у которых он просил убежища».

Не видя ничего утешительного от новых выборов в законодательное собрание, он писал, собиравшись покинуть Париж и Францию:

«Сколько золота дали бы мне, если бы я хотел обесчестить свое перо. Я отверг его, я жил в бедности и сохранил чистое сердце. Я был бы теперь миллионером, если бы я был менее щепетилен и если бы я постоянно не забывал себя... Я удаляюсь без денег, без поддержки, без средств в единственный уголок земли, где мне еще можно жить спокойно; я удаляюсь, предшествуемый клеветническими криками, опозоренный общественными прохвостами, которых я разоблачил, покрытый проклятиями всех врагов отечества, ненавидимый всеми властью и мудрости и признанный всеми министерствами за чудовище, которое надо задавить. Быть может, меня скоро забудет и народ, ради которого я приносил себя в жертву. Но я уношу с собой чистую совесть, и за мной последует уважение мужественных душ»...

¹ Капеты — так называлась старинная французская королевская династия, за которой пришли их родственники Бурбоны. Ред.

«Народ мертв со времени бойни на Марсовом поле; напрасно стараться пробудить его; я отказываюсь от этого и, вероятно, навсегда».

Это был крик отчаяния революционера-одиночки, привыкшего слишком переоценивать значение отдельной личности и впадавшего в уныние, когда его советам не следовал тот самый «народ», к которому он обращался. Но можно ли было винить этот «народ», всех этих пролетариев; ремесленников, мелких лавочников и т. п., распыленных, неорганизованных, не имевших ни политических, ни профессиональных организаций, не имевших ни опытных руководителей, ни каких-либо определенных программ, не разбиравшихся в политике? Этот «народ» показать, что он далеко не мертв, когда перед ним вставали ясные цели, когда ему приходилось отстаивать свои кровные интересы, когда его не сбивали с толку противоречивыми предложениями. Самому же Марату пришлось в этом убедиться очень скоро.

Марат собирался уехать в Англию. Но, покинув Париж и пробыв некоторое время в провинции (в Бретойле и в Амьене), он узнал об ожидающейся политической амнистии и 27 сентября вернулся в Париж, хотя и писал по поводу этих слухов:

«Говорят, что через несколько дней король примет Конституцию и что будет дана общая амнистия: я желаю быть единственным исключением. Но в конце концов, если народ обретет силы, я вернусь на свой пост».

Путешествие по провинции, где он увидел более бодрое настроение, чем в Париже, где он слышал о революционном духе солдат в армии, несколько ободрило его. Он писал:

«Если ближайшее Собрание не будет таким же прогнившим, как Учредительное собрание,

то возможно, что патриоты ободрятся и свободой в известной степени укрепится. Как бы там ни было, я буду следить за новым Законодательным собранием до той поры, пока я не достигну его планов и не смогу предвидеть, какой оборот примут государственные дела.

ГЛАВА VI

Законодательное собрание. Снова проповедь восстания. Марат в Англии. Война с австро-пруссаками. Марат в Польше. Восстание 10 августа 1792 года. Низвержение монархии. Сентябрьские убийства.

Законодательное собрание открылось 1 октября 1791 г. Оно было несколько левее Учредительного собрания, так как в нем было очень мало депутатов-дворян и духовенства, большинство принадлежало буржуазии, самое ничтожное количество депутатов представляло демократию. Левое крыло в этом собрании представляло группу депутатов-жирондистов¹ (т. е. представителей департамента Жиронды).

Марат, повидимому, надеялся, что Законодательное собрание будет действовать иначе, чем Учредительное, что оно отменит военный закон, законы против печати и т. д. Но это было ложное ожидание: уже на третьем заседании Законодательное собрание поклялось сохранить в неприкосновенности выработанную предыдущим собранием конституцию. Марат сразу оценил положение и писал:

¹ Жирондисты — представители крупной буржуазии, стремившейся к низвержению старого порядка и безраздельному господству. Это обстоятельство заставило их представителей в Законодательном собрании до известного момента леветь, чтобы затем с помощью низов, захватив власть в свои руки, провести свою классовую линию. Ред.

«Друзья отечества, эта комедия является могой нарождающейся свободы. Новые «отцы отечества» стоят не дорожке старых... Ждите от них только неверности, нищеты и ограничения». И еще позднее:

«Новое Законодательное собрание не менее гнило, чем первое».

Вскоре после этого Марат возвращается к своей старой мысли о необходимости вооруженного восстания:

«Я вижу только одно средство установить порядок в государстве: пусть нация, разом состав во всех концах государства, перебьет вожakov—врагов государства, уничтожит все декреты «отцов отечества», прогонит деспота со всем его семейством, проведет всеобщее вооружение и обяжет кого-нибудь, обладающего светлой головой, выработать ему конституцию на основании декларации прав, где был бы утвержден суверенитет народа вместе с правом граждан с оружием в руках сопротивляться всякому насильственному приказу и нападать на врагов отечества, где от граждан и государственных чиновников можно было бы требовать только присяги на защиту свободы и верности государству».

Тут мы опять видим наряду с мечтой о всеобщем восстании неверие в творческие силы народа и требование передачи всей полноты власти «человеку со светлой головой». Из этого требования в дальнейшем вытечет требование Марата о диктатуре для благодетельствования народу сверху.

А покамест народ молчал. Он ждал, во что выльются работы Законодательного собрания и не слушал предсказаний Марата. Тогда Марат решил

уйти на время в сторону. В «Друге народа»¹ он сообщил, что временно прекращает издание своей газеты и покидает Францию. И он действительно уехал в Лондон.

Надежды на то, что революция окончена, оказались обманчивыми. От нового строя выиграла только зажиточная буржуазия. Рост дороговизны в связи с падением ценности денег и недостатком продовольствия вызывал волнения в городах и деревнях, нередко выливающиеся в вооруженные столкновения при разгроме лавок и т. п. Законодательное собрание, руководившееся принципами свободной торговли и свободной конкуренции, ничего не предпринимало для облегчения положения народных масс, фактически поощряя своей политикой свободу спекуляции. Оно отказывалось установить твердые цены (максимум) на предметы первой необходимости и, прежде всего, на хлеб. У крестьян же, помимо общих поводов для волнений, было и нежелание признавать еще не уничтоженные феодальные повинности.

В то же время росла и углублялась контрреволюционная деятельность короля и привилегированных сословий. Помимо прирожденных врагов революции — духовенства и аристократии — политику двора поддерживали и умеренные депутаты Законодательного собрания, часть которых к тому же была подкуплена королем. Большое количество дворянства эмигрировало за границу, где интриговало при дворах иностранных правительств, стараясь втравить их в войну против Франции для восстановления старого порядка.

то вполне соответствовало желаниям Людовика XVI и его приверженцев во Франции, надевшихся на пораженные революции путем интервенции. Войны хотела и довольно влиятельная группа Законодательного собрания — жирондисты, представители передовой торгово-промышленной буржуазии, рассчитывавшие, с одной стороны, на расширение рынков для торговли, а с другой — на переход власти в их руки.

20 апреля 1792 года была объявлена война королю Венгрии и Богемии, а по существу — война коалиции Австрии и Пруссии с их союзниками. Только ничтожное количество депутатов высказывалось против войны. Но за стенами Законодательного собрания представители левого крыла демократии с Робеспьером во главе вели против войны активную пропаганду.

В начале апреля Марат вернулся из Англии и 12 апреля на улицах Парижа продавался новый 627-й номер «Друга народа», где на первом месте красовалась резолюция Клуба кордельеров¹, приглашавшая Марата вернуться во Францию. Марат с новой горячностью устремился в борьбу. Он писал, что теперь он усерднее, чем когда-либо, «будет разить порок, поддерживать друзей свободы, ободрять и просвещать народ, изумлять рабов и наводить страх на недоброжелателей».

Каково, спрашивается, было его отношение к войне? Раньше он решительно высказывался против нее, так как опасался, что реакционные министерства получают слишком большую власть, когда

¹ Кордельеры — члены клуба «Друзей прав человека и гражданина», один из наиболее известных революц. клубов Вел. франц. революции, собиравшийся в быв. монастыре Кордельеров францисканск. ордена, монахи которого носили веревочный пояс (кордельер — веревочный пояс). Ред.

в их распоряжении окажется целая армия, и что во время войны все недовольные революцией смогут перейти на сторону неприятеля. Теперь же с приближением войны он писал, что для двора войну на явится «средством отвлечь нацию от внутренних дел и занять ее делами внешними», что «национальные имущества будут растрчены на военные приготовления вместо того, чтобы пойти на нужды государства и на облегчение народа» и что патриоты в армии будут перебигы, так как «их поведут на бойню под предлогом защиты границ». Чтобы избежать войны, он предлагал держать заложниками короля и всю его семью и пригрозить их заграничным родственникам, что при вторжении иностранных войск голова короля Франции немедленно же скатится на плахе. В то же время Марат высказывал опасение, как бы какой-нибудь генерал, в случае успеха на войне, не вернулся с победоносной армией в столицу и не укрепил власти деспота.

Когда же началась война, Марат стал высказывать определенные пожелания, чтобы солдаты перебили своих командиров, так как те, конечно, постараются их предать.

«Более шести месяцев тому назад,— писал он,— я предсказывал, что трое генералов, презренных придворных лакеев, продадут нацию и откроют наши границы; эти печальные предсказания скоро осуществляются. Моя единственная надежда, что у армии, наконец, откроются глаза и она поймет, что ее командиры должны быть первыми принесены в жертву для общественного спасения».

Эта его статья вызвала бурю негодования в Законодательном собрании, постановившем начать судебное преследование против Марата. Он не по-

желал явиться на суд, заявив, что не желает быть убитым при аресте или брошенным в тюрьму, и опять перешел на нелегальное положение. Его газета все-таки появлялась, хотя и с большими перебоями. Даже дружески расположенные к Марату люди порицали его за слишком резкие выпады, находя, что он многое говорит лишь для красного словца. Он приводит в «Друге народа» разговор на эту тему с Робеспьером. Тот упрекал его за то, что он постоянно говорит о крови врагов свободы, о веревке и кинжалах и т. п. На это Марат ответил: «Знайте, что если бы я мог рассчитывать на парижан, то после отвратительного декрета против гарнизона в Нанси, я перебил бы варваров-депутатов, издавших его; знайте, что после расследования Шатлэ дела 5 октября я сжег бы на костре неправедных судей этого трибунала; знайте, что после бойни на Марсовом поле, если бы я нашел 2 000 человек, воодушевленных одним чувством со мною, я во главе их поразил бы кинжалом генерала (Лафайета) посреди его разбойничьих батальонов, спалил бы деспота в его дворце и посадил бы на кол ваших отвратительных депутатов, как я заявлял им в свое время. Робеспьер слушал меня с ужасом; он побледнел и некоторое время хранил молчание».

Из этого разговора, Марат вынес убеждение, что Робеспьер не обладает кругозором и смелостью, необходимыми для государственного человека.

Тем временем события разворачивались со стремительной быстротой. Война шла неудачно. Огромное количество офицеров — до $\frac{2}{3}$ наличного состава — эмигрировало, не желая служить революции. Солдаты не верили командному составу и плохо повиновались ему, опасаясь измены.

Поражения ободряли короля и его контрреволюционную клику. Людовик XVI, уверенный в победе союзников, снова повел борьбу с Законодательным собранием. Он отказался утвердить декреты о ссылке реприсягнувших священников и о создании двадцатитысячной добровольческой армии для защиты Парижа. Жирондистское министерство было отстранено, а командующий армией Л. Файет потребовал, чтобы Законодательное собрание закрыло Якобинский клуб. Словом, реакция поднимала голову. Парижская демократия попыталась 20 июня усгрозить грозную демонстрацию рабочих предместий, но, благодаря чрезмерно осторожной политике жирондистов, эта демонстрация прошла неудачно и не запугала короля. Хотя манифестантам удалось даже ворваться во дворец. Казалось, позиция короля укрепилась еще больше, но на деле вышло иначе. Революционное брожение продолжало усиливаться, и из провинций шли петиции с требованием низложения короля-изменника. А после объявления «Отечество в опасности» (11 июля) началось массовое вооружение населения и приток добровольцев из провинции. Появляется манифест командующего войсками инвервентов герцога Брауншвейгского с угрозами не оставить камня на камне в Париже, если с королем что-нибудь случится. Парижане предместья совместно с провинциальными добровольцами¹ начинают готовиться к восстанию. Их поддерживает значительная часть секций (районов), которые деятельно вооружают рабочих и создают Повстанческий комитет, так сказать, центральную организацию, объединяющую деятель-

¹ Особенно выделялись марсельцы — марсельский батальон, по имени которого получил наименование известный гимн Руже-де-Лили «Марсельеза». — А. О.

ность всех секций. Восстание, наконец, совершается в ночь с 9 на 10 августа 1792 года. После кровопролитного боя королевский дворец был взят повстанцами, и король с семьей спасся в Законодательное собрание. После того, как выяснилось, что победа окончательно одержана народом, Законодательное собрание отрешило короля от власти, постановило созвать Национальный конвент и отменило деление граждан на активных и пассивных¹.

Марат не принимал непосредственного участия в событиях 10 августа. Повидимому, скрываясь от преследования жирондистов, он не имел возможности войти в контакт с Повстанческим комитетом. Но уже 11 августа экстренный выпуск «Друга народа» был расклеен на стенах Парижа. В нем Марат советовал парижанам не слишком ослепляться победой. «Славный день 10 августа 1792 года, — писал он, — может стать решительным днем для торжества свободы, если вы сумеете воспользоваться вашим успехом. Большое количество приспешников деспота повержено во прах, ваши беспощадные враги кажутся ошеломленными, но они не замедлят оправиться и воспрянут вновь, более страшные, чем когда-либо. Бойтесь поддаться чувству ложного сострадания. Бойтесь реакции! Ваши враги, повторяю вам, не пощадят вас, если счастье повернется к ним. Поэтому никакой пощады! Вы навсегда погибли, если вы не поспешите перебить продажных членов муниципалитета, департаментского управления, всех ан-

¹ До Конвента «активными» гражданами являлись состоятельные классы, имеющие право выбирать в Законодательное собрание; немущие классы: рабочие, ремесленники и деревенская беднота избирательного права были лишены, а потому назывались «пассивными». Ред.

типатриотически настроенных судей и наиболее прогневших членов Национального собрания... Никто больше меня не ужасается кровопролитием, но чтобы помешать крови литься потоками, я настаиваю на пролитии нескольких капель ее».

И, далее, он советовал держать в качестве заложников короля с его семьей, арестовать бывших министров, казнить контрреволюционных членов Генерального штаба, разоружить некоторые реакционные батальоны и вооружить всех граждан-патриотов, объявить вне закона всех эмигрировавших родственников короля и требовать созыва Национального конвента для суда над королем и пересмотра конституции.

Победа, увенчавшая революцию 10 августа, покончила с нелегальным существованием Марата. Революционная коммуна¹, подготовившая и одержавшая решительную победу над монархией, кабы олицетворяла собой, в ожидании созыва Конвента, подлинную революцию в противовес Законодательному собранию с его соглашательской колеблющейся политикой. В коммуну были избраны, кроме 90 представителей (комиссаров) секций, и наиболее видные вожди якобинцев² во главе с Робеспьером. Марат находился в самом тес-

¹ Революц. коммуна, образовавшаяся накануне взятия Бастилии 13/VII 1789 г. из представителей округов Парижа, игравшая активную роль в организации революц. сил против происков роялистов (сторонников корол. власти) и духовенства, закрывала католические церкви, организовала общественные мастерские для безработных и проводила мероприятия по снабжению продовольствием голодающего населения Парижа, главным образом пролетариев и ремесленников. Ред.

² Якобинцы — так назывались члены политич. клуба врем. Вел. франц. револ. от занятого им помещения в Якобинском монастыре в Париже. Ред.

ом контакте с коммуной, был ее вдохновителем-журналистом; он входил в ее Наблюдательный комитет по борьбе с контрреволюцией и был выставлен кандидатом в Конвент, несмотря на ярую контрагитацию жирондистов. В новое министерство вошли главным образом жирондисты, а от якобинцев в него попали Дантон и Монж, первый — министром юстиции, второй — морским министром.

Марат с самого начала повел кампанию против министров-жирондистов, советуя арестовать их, а заодно арестовать с ними и наиболее реакционных членов Законодательного собрания. Но в то же время, обращаясь к представителям коммуны, он, поздравляя их с победой, писал: «Оставайтесь на вашем посту ради нашего покоя, ради вашей славы, ради спасения государства. Не покидайте попавшего в ваши руки кормила общественной власти до тех пор, пока Национальный конвент не освободит нас от деспота и его недостойного отродья и не исправит чудовищные недостатки конституции, этого вечного источника анархии и несчастий, и не утвердит на непоколебимых основах общественную свободу». И, далее, вновь повторяя те советы, которые он неоднократно давал, он одновременно требует ускорения суда над изменниками, заключенными в тюрьму аббатства. Он пишет:

«Если меч правосудия поразит, наконец, интриганов и предателей, от меня не услышат больше разговоров о публичных казнях, этом жестоком средстве, которое может предписывать доведенному до отчаяния народу только один закон необходимости».

И он поздравляет комиссаров коммуны с успешным началом их деятельности:

«Комиссары коммуны ввели уже много рекомендованных мною мер: задержание в качестве заложников семейства Капета, запрещение контрреволюционной прессы, строгое преследование общественных врагов, проскрипция¹ спекулянтов, торговцев деньгами; они зарекомендовали себя и другими прекрасными чертами гражданственности. Они действуют превосходно. Если они и впредь будут действовать с той же энергией до тех пор, пока Конвент не переработает конституцию, если министры проявят себя патриотами, а народ будет тщательно следить за ними, я буду считать общественное спасение обеспеченным, буду спать спокойно и возьмусь за перо только для работы над переделкой конституции».

Таких оптимистических нот мы не встречаем в прежних писаниях Марата. Объясняется это, вероятно, тем радостным возбуждением, в котором находился Марат после одержанной победы и после того, как народ стал, как казалось ему, выполнять его советы. Но, конечно, это была слишком розовая оценка действительности и недооценка реального соотношения борющихся сил. Мелкая буржуазия шла к власти, но крупная буржуазия, уже державшая власть в руках, не собиралась так легко отдать ее. Жирондисты весь смысл переворота видели в том, чтобы именно они оказались господами положения. Это и показала дальнейшая борьба в Конвенте. Впрочем Марат, несмотря на весь свой оптимизм, предлагает соблюдать осторожность: «В конце концов будем опасаться заснуть, будем помнить, что контрреволюционеры

обирают свои силы. Будем настороже, чтобы Маже (Лафайет) не направил свою армию против нас, чтобы все немецкие и швейцарские роялистские полки не явились нас блокировать... Будем надеяться, что наши комиссары не заснут».

После дел после 10 августа было очень тяжелое, так как неприятель, вторгнувшийся в пределы Франции, продолжал успешно продвигаться вглубь страны. Были взяты крепости Лонгюи и Верден, чем открывался путь на Париж. Нужны были героические усилия для спасения революции и охраны Парижа, принимая во внимание, что в самой столице было значительное количество контрреволюционеров, готовых при первом удобном случае соединиться с неприятелем. Тут-то и сказалась роль подлинного революционного центра — Парижской коммуны, которая и помогла Франции выйти из ее тяжелого положения, организовав отправку добровольцев на фронт, обезопасив тыл массовыми арестами контрреволюционеров и установив наблюдение за всеми подозрительными лицами. Подобная деятельность коммуны вызвала недовольство Законодательного собрания и жирондистского правительства, которые и попытались распустить ее. Ответом на это явилось грозное выступление низов Парижа, вылившееся в массовые избиения заключенных в тюрьмах контрреволюционеров, так называемые «сентябрьские убийства», когда в Париже власть несколько дней фактически принадлежала этим народным низам, руководимым деятелями коммуны с Маратом во главе, горячо советовавшими расправиться с контрреволюционерами. Эти действия, с одной стороны, навели ужас на врагов революции, с другой, — показали жирондистскому правительству, насколько шатко его положение.

¹ Прокрипция — публичное осуждение за политическое преступление с объявлением виновных вне закона. Ред.

Самим жирондистам пришлось примириться с происшедшими событиями и даже говорить о справедливом народном гневе, но это не помешало им позднее обрушиться на Марата и на коммуны с обвинениями в анархических стремлениях и в неуважении к народному представительству.

Тем временем шли выборы в Конвент. Марат был избран депутатом Конвента от Парижа вместе с Робеспьером и Дантоном и другими представителями якобинцев. Состав Конвента был значительно демократичнее состава двух первых Национальных собраний, но руководящая роль в нем принадлежала не якобинцам, т. е. не тем, кто фактически совершил революцию 10 августа, а жирондистам. Тут имело значение и то, что якобинцы, как представители буржуазии, проходили главным образом в больших городах, и давление жирондистского правительства на выборщиков. Рабочих в Конвенте было всего лишь два человека на 749 депутатов. Основную массу в Конвенте составляли представители средней буржуазии и сельского кулачества. Это был бесцветный центр, так называемое «болото», голосовавший с теми, кто в данный момент стоял у власти, и больше всего сочувствовавший девизу «спокойствие прежде всего». Левый фланг занимали якобинцы — «монтаньяры» (т. е. «горцы» — люди, сидевшие на верхних скамьях Конвента), на правом фланге были жирондисты, имевшие в своих руках не мало опытных и блестящих ораторов.

ГЛАВА VII

Конвент. Марат — депутат Конвента. Борьба с Жирондой. Генерал Дюмурье. Суд над королем. Продовольственный вопрос. «Максимум» и «бешенные». Жиронда, Гора и коммуна. Суд над Маратом. Восстание 31 мая — 2 июня 1793 г. Якобинцы у власти. Болезнь Марата. Смерть от руки убийцы. Похороны Марата. Заключение.

Конвент открылся 20 сентября 1792 года, в день битвы при Вальми, когда французские войска остановили победоносное наступление австро-пруссаков и вынудили их начать отступление из пределов Франции, которую они и очистили к концу 1792 г.

Отношение Марата к войне нами было охарактеризовано выше. Его недоверие к старорежимному командному составу нашло в эти дни лишнее подтверждение: Лафайет, против которого он столько раз предупреждал французов, отказался признать революцию 10 августа, арестовал приставленных к нему комиссаров, но, не встретив сочувствия в армии, эмигрировал с частью своего штаба за границу, где и был арестован австрийцами. Так еще раз оправдались предсказания Марата.

В день открытия Конвента Марат, приостановивший с 20-х чисел августа свою газету, вновь выпустил ее уже под новым названием «Журнал Французской республики, издаваемый Маратом, другом народа, депутатом Национального конвента», с характерным эпиграфом: «Чтобы уменьшить нищету, необходимо ограничить состояния богатых».

И в первом же номере он так намечал программу действий:

«Деспотизм уничтожен, монархия упразднена, но их приспешники еще не перебиты. Интрига-

ны, честолюбцы, тайные деятели еще составляли заговоры против отечества; у свободы еще куча врагов. Чтобы дать ей восторжествовать, нужно раскрывать их просекты, разоблачать их заговоры, разбивать их интриги. Надо разоблачать и подавлять их в наших лагерях, секциях, муниципалитетах, в самом Конвенте. Как добиться этого, если друзья свободы не будут дружны, не объединят своих усилий? Священная любовь к отечеству! Я посвятил тебе все свои досуги, свой покой, все свои силы. Ныне я приношу тебе в жертву мои притязания, чувство мести, ненависти при виде покушений врагов свободы, при виде оскорблений, наносимых ими ее детям, и т. д.»

И затем он просит даровать ему силы для выполнения этого обета:

«Позволь мне восторжествовать над порывами чувства, и если когда-нибудь чувство негодования выведет меня из границ и скомпрометирует общественное благо, то пусть я умру раньше, чем совершу эту ошибку».

Словом, Марат хочет вести себя очень осторожно и очень благоразумно. Он не чувствует только несколько обстоятельств, довольно существенных, чтобы без следа уничтожить все его благие намерения быть кротким агнем — он забывает о политическом моменте, о составе Конвента, о своем личном характере. Действительность в ближайшие же дни доказала ему, что борьба еще только начинается и что складывать оружие еще слишком рано.

Жирондисты — их было в Конвенте 165 человек — устами одного из своих вожakov Бриссо доказывали, что для спасения Франции нужно было три революции: первая из них низвергла деспотизм,

вторая уничтожила королевскую власть, теперь осталось совершить третью революцию, которая должна уничтожить анархию. А «анархисты» это, конечно, Марат, Дантон, Робеспьер, деятели Коммуны. Значит, все внимание должно быть сосредоточено на борьбе с ними, значит, Марату, как старому недругу жирондистов, придется быть особенно начеку.

Но Марат не унывает.

Конвент 20 сентября приступил к работам. 21 упразднена королевская власть, 22 провозглашена республика. События разворачиваются быстро. Но, по мнению Марата, все движется слишком медленно.

Он пишет:

«Единственная угнетающая меня мысль заключается в том, что все мои усилия для спасения народа остаются бесплодными, если не будет нового восстания. Имея представление о большинстве депутатов Конвента, можно притти в отчаяние за судьбу общественного благополучия. Если за время первых восьми заседаний не будут выработаны все основы Конституции, то не ждите ничего от этих представителей. Вы погибли навеки. Вас ждут пятьдесят лет анархии. О, болтливый народ, если бы ты был способен действовать!».

Значит, Марат опять стоит за новое восстание, но во имя чего или кого? Не есть ли это просто интеллигентская неуравновешенность, не дающая ему покоя, не является ли это восстание своего рода навязчивой идеей?

Чтобы понять его волнение, достаточно процитировать следующий отрывок из его статьи, написанной за три месяца до созыва Конвента:

«Почти во всей стране семь десятых населения государства скверно питаются, скверно одеваются, имеют плохое жилище и плохое ложе для сна. Три десятых проводят свои дни в лишениях; их прошлое, настоящее и будущее одинаково полны страданий. Вся их жизнь — непрерывное лишение. А сколько обреченных на крайнюю нищету! Истощенные голодом, полуобнаженные, проводя дни в поисках каких-нибудь съедобных корней, они скрываются на ночь в берлогах, где в продолжение всего года спят на гнилой соломе...

Во Франции нельзя шагу ступить, чтобы не увидеть этой удручающей картины. И лишены куска хлеба как раз те, которые освободили других от забот об обработке земли, рождающей этот хлеб...

И наряду с этими несчастными вы видите богатей, которые спят на пуховиках среди стен с золочеными украшениями и которые за один обед пожирают состояние целых семейств. Эти-то недостойные баловни судьбы командуют другими и являются вершителями судеб народа...».

Вот, во имя улучшения положения этих обездоленных, этих голодающих, которые брали Бастилию¹ и Тюильри², «очищали» Париж от контрреволюционеров, защищали республику на полях сражений, во имя улучшения их положения и призывал Марат к новому восстанию. Но они пока не слушали его. Они надеялись на Конвент и на обещанную им новую конституцию, о чем им столько говорили блестящие ораторы Жиронды.

И жирондисты, желая упредить свое положение в Париже, проводят декрет о специальной охране

Конвента, набранной в 83 департаментах, и декрет против подстрекателей к убийствам. Оба они направлены против Коммуны и Марата. А 25 сентября в Конвенте жирондистами был прямо поставлен вопрос о некоторых депутатах Конвента, добивающихся диктатуры, и о необходимости сломить деспотизм Парижа, т. е. Коммуны. Это был вызов по адресу монтаньяров. На эти выпады отвечали Робеспьер и Дантон, опровергая разговоры о диктатуре и не одобряя крайностей Марата. Но этим они только еще больше возбудили противников, которые резко нападали на Коммуну и Марата. Марат, наконец, выступил с объяснениями. Его встретили криками: «Долой! Вон его!». Но он все же сумел заставить противников выслушать его. Он говорил, что он один является сторонником диктатуры, что, видя всеобщую продажность, заговоры, стремление подовать свободу, он считал и считает правильной мысль о диктатуре.

«Этот диктатор не был бы тираном,—говорил он,—его власть продолжалась бы лишь несколько дней и сводилась бы только к праву осудить предателей».

Его речь была встречена рукоплесканиями на скамьях, отведенных для публики. Но жирондисты не утомались. Их лучший оратор Вернье обрушился на Марата за сентябрьское циркулярное письмо Наблюдательного комитета коммуны, в котором говорилось о необходимости расправы с сидящими в тюрьмах контрреволюционерами. И жирондисты стали требовать предания суду Марата. Он вновь выступил с объяснениями и воскликнул в раздражении: «Я не боюсь ничего на свете, но я должен заявить, что если будет принят предложенный прогив меня обвинительный декрет, я разможу себе голову у подножия этой трибуны».

¹ Бастилия — крепость-тюрьма.

² Тюильри — королевский дворец. Р е д.

И, выхватив пистолет, он приставил его к виску и добавил:

«Таковы плоды трехлетних терзаний и заключения ради спасения отечества! Вот плоды бессонных ночей, нищеты, страданий и опасностей, которым мне приходилось подвергаться!».

Обвинительный декрет не был принят. Но уже этот первый опыт показал, что Марат и жирондисты никогда не найдут общего языка. Впрочем, сам Марат писал в первых числах октября о жирондистах: «Я уже целый год говорю об этой вероломной группе как о самом опасном враге отечества. Эту группу составляют Бриссо, Гюаде, Кондерсе, Ласурс, Верньо и другие... Мое мнение о клике Бриссо вполне определено и мне нечего больше добавить к нему» (№ 13 от 7 октября). Его мнение о жирондистах было вполне ясное и определенное. «Государственные мужи», как он иронически называл их, были его врагами, так как их интересы были противоположны интересам тех кругов и классов народа, от имени которых выступал Марат. Это было в сущности расхождение между крупной и мелкой буржуазией, Парижем и провинцией, стремление крупной буржуазии избавиться от давления на нее Коммуны и стоявших за нею секций. У жирондистов, благодаря поддержке на первых порах «болота», было определенное большинство в Конвенте, поэтому они и считали себя господами положения. Но они ошибались, так как они не учитывали значения Парижа как революционного центра Франции. Это и сказалось в дальнейшем ходе событий.

Не следует забывать, что Франция переживала очень тяжелое время. В стране был голод, несмотря на хороший урожай; была сильная безработица и цены на хлеб были высоки. Война внешняя, к

которой несколько позднее присоединилась гражданская война, гибельно отозвалась на всей хозяйственной системе. Ассигнации падали в цене, росла дороговизна и спекуляция. Крестьянство обновалось, так как еще не были окончательно отменены феодальные повинности, а в то же время рекрутские наборы требовали все новых и новых людей. Естественно, что в Париже с его большим населением особенно остро сказывались все последствия кризиса. Париж был в сущности мелкобуржуазным городом, его мануфактурные предприятия до революции выделяли главным образом предметы роскоши, по крупной торговле он не мог равняться с такими провинциальными городами, как Марсель или Бордо. Земельная аристократия и финансовые тузы большей частью эмигрировали, и поэтому город был заполнен революционной мелкой буржуазией, неимущей интеллигенцией и безработными, т. е. элементами, на которые опиралась Коммуна и против влияния которых пытались бороться жирондисты. Революция совершалась в интересах крупной буржуазии. Казалось бы, что для укрепления своего господства буржуазии нужен был союзник в лице мелкой буржуазии и пролетариата. Но тут возникал вопрос о собственности, неприкосновенность которой является «святыней» и основой жизни для буржуазии, представителями интересов которой являлись жирондисты. Поэтому естественно, что не они могли стать руководителями полупролетарских масс населения, а тот класс, который относился к собственности более либерально и, отстаивая мелкую собственность, не видел большого зла в том, что будет урезана собственность крупная. Это был класс мелкой буржуазии. Класс этот, хотя и обреченный на гибель развитием капитализма

ма, тем не менее на определенном этапе революции занял господствующее положение, отстранил в это время от власти крупную буржуазию и повел за собой пролетариат городов. В этом и заключается смысл борьбы жирондистов с монтаньярами и Парижская коммуна.

Марат продолжал, будучи в Конвенте, свою критическую деятельность правящей партии и предостерегал парижан от увлечения новыми героями. Когда возникла непосредственная опасность неприятельского нашествия, после сражения при Вальми, успешно проведенного ставленником жирондистов, генералом Дюмуре, и когда пруссаки очистили Верден, а Кюстин взял Мёнц, то эти победы превозносились до небес, а генералы были подлинными героями дня. Но Марат советовал не ослепляться этими успехами.

«Конечно, надо дозреть им,—писал он (№ 11-5/X 1792), — но должна ли эта вера быть слепой, после ряда предательств, жертвами которых мы были до сих пор? Разве не должна она постоянно соопускать осторожность? Разве не должны мы постоянно наблюдать за нашим командующими армиями и за нашими министрами?».

И в доказательство правоты своего мнения он указывал на то, что почти весь высший командный состав был дегищем двора, что из этой среды вышло такое большое количество предателей.

«Все они по меньшей мере подозрительны своими сношениями с клятвопреступником и заговорщиком, бывшим монархом, своей бездельностью, своим антигражданским поведением. И только потому, что некоторые из них, вынужденные впоследствии казаться патриотами, одер-

жали кое-какие успехи над бывшим не в состоянии защищаться неприятелем, кричат о чуде, поют хвалы об их подвигах, об их честности, об их гражданских добродетелях».

Генерал Дюмуре¹ он писал вполне определенно.

«Я охотно воздам должное генералу Дюмуре, но я хочу подождать конца его карьеры. Пусть он окончательно расправится с пруссаками; пусть он, поддержав восстание фламандцев, займет в Бельгии; пусть он затем настоит на казни заговорщика Капета, и тогда рассчитывайте на перемену моего мнения».

С этим генералом Дюмуре у Марата вышло прямое столкновение, когда в октябре 1792 года Дюмуре приехал в Париж, где он выступал в Конвенте, в клубе якобинцев и в других общественных местах и где его приветствовали и чествовали как победителя при Вальми.

В это время по Парижу распространился слух, что с двумя батальонами парижских волонтеров произошла какая-то странная история: они убили Ротеле четырех прусских дезертиров, желавших встать под знамена республики, убили их как эмигрантов. Генерал Дюмуре, не особенно жаловавший парижских добровольцев за отсутствие у них дисциплины, приказал обезоружить их и заключить в крепость впредь до решения их участи Конвентом. Марат очень хорошо знал, что Дюмуре, ставленник жирондистов, относился к па-

¹ Дюмуре Шарль Франсуа (1739—1823 гг.) — французский генерал из дворян, политический авантюрист, сначала был на стороне жирондистов, перешел к якобинцам, потом стал подготавливать восстановление монархии. После бегства бежал в Австрию. Ред.

рижским санкюлотам¹ с таким же презрением, как и жирондисты вообще, и потому решил не останавливать этого дела без расследования. По его настоянию клуб якобинцев поручил ему вместе с двумя его товарищами Монто и Бантоболом выяснить у самого генерала Дюмуре, не являются ли парижские батальоны жертвою клеветы и интриги.

Он долго искал встречи с генералом, и, наконец, ему удалось найти его в доме знаменитого артиста Тальма, жена которого Юлия Тальма собирала в своем салоне цвет парижского общества. У нее бывали все знаменитости, в том числе и весь цвет Жиронды. В тот вечер, когда Марат явился к Тальма, там, кроме генерала Дюмуре с его свитой, было много известных деятелей, вроде Верньо, Бриссо, Жозефа Шенье и других; гости готовились уже слушать концерт, как вдруг доложили, что пришел Марат и желает беседовать с гражданином Дюмуре. Впечатление, произведенное этими словами, было потрясающее, но не успели еще все опомниться, как вошел Марат со своими спутниками. Красный платок, окутывающий его голову, и фуфайка с открытым воротом, так называемая карманьола, особенно резко выделялись на фоне блестящего общества. А спутники Марата, бледные и худые, как бы напоминали этому обществу, что они являются представителями голодающего Парижа, сделавшего революцию, плодами которой теперь наслаждаются другие.

Марат, нисколько не смущаясь перед избранным обществом, подошел к группе лиц, окружавших

Дюмуре; все расступились, и генерал оказался лицом к лицу с другом народа.

— Так это вы Марат? — пренебрежительно бросил Дюмуре. Он умел владеть собой и не отличался излишней застенчивостью.

¹ Санкюлот, подлинное значение — «без штанов» — название, данное контрреволюционерами пролетарским и полупролетарским беднейшим элементам, являвшимся активной боевой силой в Велик. франц. революции. Ред.

— Да, это я, и я пришел со своими друзьями, по поручению якобинского клуба, выяснить вопрос о парижских батальонах.

— Я передал все документы по этому вопросу в военное министерство, — ответил генерал.

— Я обошел все канцелярии и нигде ничего не нашел, — настаивал Марат.

Дюмуре только пожал плечами.

— Я представил доклад в Национальный конвент. Можете ознакомиться с ним.

— О, нет, сударь, — живо подхватил Марат, — вы так легко не отвертитесь от меня; в Наблюдательном комитете нет никаких материалов по этому вопросу.

— Однако, я знаю, что документы существуют, — последовал ответ Дюмуре, начавшего терять терпение.

— Если они существуют, то скажите, где они?

— Я полагаю, милостивый государь, что мои слова заслуживают доверия, — последовал надменный ответ Дюмуре.

— Если бы вы заслуживали полного доверия, — возразил Марат, — нам не пришлось бы являться сюда. В этом деле большая неясность. Кто сможет поверить, что тысяча двести человек совершает убийство, не имея достаточных оснований? Говорят, что убитые были эмигрантами. Эмигранты — предатели отечества, и ваши мероприятия по отношению к нашим батальонам непростительно жестоки.

— О, вы слишком резки, господин Марат, — заявил Дюмуре. — Я не желаю поддерживать разговора в этом тоне. И, повернувшись спиной к Марату, он с группой офицеров удалился в кабинет хозяина.

Марат представил отчет об этом свидании в клуб якобинцев и указал, что убитые были не прусские дезертиры, а французы — эмиссары эмигрантов, которые хотели обманым путем проник-

нуть во французскую армию. Парижские батальоны были реабилитированы Конвентом. Что касается генерала Дюмуре, то недоверие Марата к нему оправдалось несколько позднее. Дюмуре в марте 1793 г. неудачно подготовлял государственный переворот с целью восстановления монархии, но, избалованный в предательских действиях, был вынужден эмигрировать, так как армия отказалась поддержать его.

После столкновения с Дюмуре, у Марата еще больше обострились отношения с жирондистами. Дело доходило до того, что ему старались мешать каждый раз, как он выступал в Конвенте, а депутат Буало как-то предложил дезинфицировать трибуну Конвента немедленно после выступления Марата на ней. Некоторые из сторонников Марата даже предлагали ему создать стражу для охраны его личности. Насколько трудно ему приходилось в Конвенте, показывает его следующее заявление: «Я вынужден отказаться от выступлений на трибуне Конвента с предложением своих планов, так как наилучший план, если он только исходит от меня, будет отвергнут. Мне остается выступать только в случаях чрезвычайной важности, чтобы разоблачать гибельные заговоры преступной группы и защищать права народа... Будьте уверены, что в этом случае я всегда буду на своем посту» (№ 42).

Таким чрезвычайным случаем явился процесс Людовика XVI.

Уже с самого начала заключения короля шла горячая полемика в газетах, листовках, брошюрах и т. п. о судьбе Людовика. Якобинская пресса добивалась суда над королем и требовала его казни. Жирондистская пресса склонялась к милосердию и возлагала надежды на мудрое решение Конвента. Когда в «железном шкафу» в Тюильри

были найдены наиболее секретные бумаги, окончательно разоблачавшие всю преступную политику короля, Конвент, уступая общественному негодованию, объявил, что будет сам судить Людовика XVI, и 11 декабря бывший король был доставлен в Конвент, где и должен был дать ответ на поставленные ему вопросы и объяснить все свое поведение и свою политику за время революции.

Марат писал по поводу суда над королем ясно и недвусмысленно:

«Преступления Людовика Капета общеизвестны и сомневаться в том, имеет ли народ право судить и карать смертью своего высшего чиновника, если тот, прикрываясь маской лицемерия для более успешных интриг, стал во главе изменников и заговорщиков, обратил оружие против народа, замышлял перебить борцов за свободу, чтобы снова заковать народ в старые цепи, — сомневаться в этом праве — значит оскорблять разум и идти против природы и справедливости».

Далее, он доказывал, что представители самодержавного народа должны рассматривать вопрос о суде над королем только с политической точки зрения. Он ссылаясь на конституцию и выяснял, что она, несмотря на все свои недостатки, все-таки содержит достаточно данных, чтобы предать тирана суду и приговорить его к смерти. И его выводы были беспощадны:

«Не может быть свободы, безопасности, мира, покоя и счастья для французов, не может быть надежды для других народов свергнуть свое иго, пока не скатилась голова тирана... Прочь ложные идеи милосердия и великодушия! Смеем ли мы поддаваться этим чувствам, не навлекая на себя порицания нации и на отечест-

во моря бедствий? От нашего спасения зависит спасение французов и укрепление республики.

Итак, мой вывод: Конвент должен судить тирана и приговорить его к смерти».

Марат был не одинок в своих требованиях казни короля. В Конвенте, в клубах, в Коммуне, на улицах — всюду горячо обсуждался вопрос о судьбе короля. «Освободить», «выселить за границу», «держат в вечном заточении», «казнить» — вот основные положения, высказывавшиеся представителями разных групп. Брошюры, газеты, памфлеты, песни — все было пущено в ход, чтобы оказать воздействие на общественное мнение... Особенно усердствовали монархисты, распространяя чувствительные романсы вроде «Людовик XVI к французам» или «О, Ричард, о мой король. Весь мир тебя покидает!». Эти романсы пелись в некоторых провинциальных городах совершенно открыто, так что республиканцам приходилось прибегать к экстренным мерам для подавления деятельности монархистов. В Париже дело обстояло иначе. Настроение широких масс парижан — «настоящего народа», как их именовали якобинцы, — было в достаточной степени определено. «Неимущий класс, — говорится в одной из газет того времени, — продолжает проявлять горячее нетерпение увидеть скорейшее падение головы Людовика Капета, так как этот класс полагает, что он будет несчастен до тех пор, пока существует Людовик».

В клуб якобинцев все время поступали из провинции адреса с требованиями казни короля. В Коммуну являлись депутаты и заявляли: «Капет должен быть казнен, иначе мы не ручаемся за спокойствие Парижа». В Конвент врывались группы людей с теми же требованиями. На улицах из-

живали монархистов, пытавшихся открыто защищать короля. Словом, Париж кипел, как в котле. Жирондисты в большинстве своем были против казни короля, так как, с одной стороны, опасались, что она вызовет войну с Англией и Италией, от чего пострадают интересы внешней торговли и ухудшится внутреннее положение в стране, а с другой стороны, боялись, что политика якобинцев подымет малоимущие классы населения против зажиточных.

Марат понимал эту политику жирондистов. Не даром же он писал в своей газете:

«Я поверю в республику только тогда, когда голова Людовика XVI не останется на его плечах».

И, желая положить конец каким-либо колебаниям, он заявил в Конвенте:

«Чтобы узнать изменников, ибо они имеются в этом собрании, чтобы с уверенностью установить их, я предлагаю безошибочное средство: пусть смерть тирана будет подвергнута поименному голосованию и пусть это голосование будет публичным».

Жирондисты хотели, затягивая процесс короля, передать приговор Конвента на утверждение народа, надеясь этим спасти короля и вместе с тем, при содействии департаментов, избавиться от давления Парижа, но это им не удалось. В конечном итоге верх одержали якобинцы: Людовик был приговорен, хотя и незначительным большинством голосов, к смертной казни и гильотинирован 21 января 1793 года.

Следует упомянуть, что во время процесса короля Марат получал много писем от монархистов с предложением крупных сумм денег, если он выска-

жется в защиту Людовика. На эти предложения он ответил в своей газете:

«Я принадлежу народу и всегда буду принадлежать только ему: таковы мои убеждения».

После казни короля он писал:

«В последний понедельник, день навсегда памятный в летописях рождающейся республики, все коронованные головы опозорены французами в лице Людовика XVI».

В этом отношении Марат был совершенно прав. Европейским монархам была брошена революционной Францией перчатка, и «этой перчаткой была голова тирана», как говорил Дантон. Европа приняла вызов. Англия присоединилась 1 февраля 1793 г. к коалиции. Молодой республике предстояли новые испытания.

Продовольственный кризис становился все сильнее. Бумажные деньги падали, а зажиточное крестьянство очень неохотно вывозило зерно на рынок, предпочитая хранить его до более благоприятных времен. Поэтому в больших городах был хронический недостаток хлеба, и покупать его можно было лишь по спекулятивным ценам. Естественно, что от этого страдала главным образом городская беднота. Жирондисты, стоявшие за свободную конкуренцию, ничем не облегчали положения неимущих и не обращали внимания на жалобы рабочих и на дороговизну. Но неорганизованным и не имеющим права организоваться рабочим было не так легко добиться облегчения своего положения, когда против них стояли капиталисты, поддерживаемые вооруженной силой и авторитетом Конвента, в котором жирондистские златоусты доказывали, что дороговизна хлеба объясняется деятельностью «агитаторов», а жалобщики — это «анархисты».

Немудрено, что при подобных условиях явилась мысль о необходимости установления твердых цен на предметы первой необходимости и в первую очередь на хлеб. Эта мысль явилась не у монтаньяров — представителей мелкой и средней буржуазии, — она родилась в народных низах, у бедноты, наиболее страдавший от кризиса, причем в ряде городов и местечек городская беднота самостоятельно устанавливала цены на съестные припасы. Когда Коммуна и представители парижских секций стали требовать таксации продовольственных продуктов, то монтаньяры не проявили сочувствия к этой идее. На время влияние на массы перешло к так называемым «бешеным»¹ и их руководителям священнику Жаку Руку и Жану Варле, которые, опираясь на мелких ремесленников и бедноту, вели горячую пропаганду в пользу таксации, требуя специальных законов против спекулянтов и принудительного курса для революционных денег. Они вели кампанию и против Конвента вообще, доказывая, что депутаты использовали свое положение только в личных интересах. Но монтаньяры, понявшие необходимость сохранить связь с широкими народными массами, постепенно перешли на позицию «бешеных» и провели декрет о принудительном курсе ассигнаций (11 апреля) и о максимуме цен на зерно (4 мая).

Декреты 11 апреля и 4 мая были проведены лишь после крупных волнений парижской бедноты. Агитация «бешеных» делала свое дело. Сначала шли

¹ «Бешеные» — кличка, данная буржуазией группе лиц, выражавшей интересы городской и сельской бедноты, бо-
ровшейся против спекуляции, за установление твердых цен
на предметы первой необходимости и игравшей активную
роль в борьбе за очищение Конвента от крупнобуржуазной
партии жирондистов. Р е д.

петиции за петициями, причем «бешеные» умело связывали продовольственный вопрос с призывом в армию, куда на пополнение требовалось 300 000 человек. 24 февраля Конвент выдержал натиск двух депутатских женщин, жаловавшихся на чрезмерную дороговизну, требовавших таксации продуктов и установления смертной казни для скупщиков и спекулянтов. «Введите таксу, или вы не получите рекрутов, — говорили женщины, — мы не намерены ждать. Когда наши дети просят у нас молока, мы не можем им сказать, чтобы они подождали несколько дней».

И на следующий день, 25 февраля, в Париже начались крупные продовольственные беспорядки, сопровождавшиеся разгромом булочных, бакалейных лавок и магазинов с колониальными товарами. Торговцев заставляли отпускать товары по назначаемой покупателями цене, а во многих местах магазины были просто разграблены.

Эти беспорядки совпали с выходом 133-го номера газеты Марата. Он, приглядевшись к событиям последнего времени, писал, нападая на спекулянтов и скупщиков, что «во всякой стране, где права народа не являются пустыми громкими словами, простой декларацией, разграбление нескольких магазинов, у дверей которых повесили бы скупщиков, прикончило бы скоро с теми злоупотреблениями, которые ввергают в отчаяние 25 миллионов человек и заставляют погибать от нищеты тысячи людей. Неужели народные депутаты будут только вечно болтать о нуждах народа и никогда не найдут средств для избавления от них?».

И дальше он предлагал собственные меры для выхода из положения:

«Пусть состоятельные граждане объединятся для выписки из-за границы продовольственных про-

дуктов первой необходимости, пусть продают их по себестоимости и таким образом понизят цену, до которой они теперь взвинчены, пока не дойдут до справедливого уровня».

Это было уже совсем наивно. Правда, Марат делал оговорку, что выполнение этого плана предполагает добродетельных людей, которых не найти в стране, где властвуют проходимцы, но все же предложение разрешить серьезнейший экономический кризис путем благотворительного сговора каких-то добродетельных капиталистов доказывает, что Марат недостаточно ясно разбирался в экономике своего времени.

Так как номер газеты Марата, в котором он советовал расправу со спекулянтами, вышел как раз в день продовольственных волнений, то жирондисты попытались представить Марата виновником этих волнений и потребовали от Конвента предания Марата суду. Но большинство Конвента не поддержало их.

Мы не будем касаться здесь статей Марата относительно чрезмерного выпуска ассигнаций, так как он не указывал и не мог указать решительных средств для борьбы с этой мерой в обстановке жесточайшего экономического кризиса. Остановимся только на его отношении к конфискации церковных имуществ, произведенной еще Национальным собранием.

Видя, что для поддержания нуждающихся делается очень мало, Марат писал:

«Церковные имущества были достоянием бедных: Национальное собрание, лишив их этого источника помощи, осудило их на голодную смерть».

«Что следовало сделать с церковными имуществами? Чтобы оправдать этот захват, произведен-

ный во имя суверенной власти народа, их следует разделить на три части, из которых одна пошла бы на содержание служителей религии, другая на погашение государственных долгов, а третья, как писал и раньше, образовала бы фонд для помощи неимущим» и т. д.

Из этих слов Марата мы ясно видим, что он не только не был антицерковником, но даже заботился о том, чтобы в руках церкви оставались средства как для содержания духовенства, так и для помощи бедным, чем они привлекались к церкви. Это показывает, что он совершенно не учитывал контрреволюционной роли и духовенства и религии. Он скользнул в данном случае только по поверхности явления, не сумев углубиться в него... А между тем страшное восстание в Вандее, в котором такую крупную роль играло духовенство, казалось, могло бы открыть ему глаза на истинную роль церкви, в руках служителей которой он предлагал оставить те громадные средства, которыми располагала католическая церковь во Франции. В этом отношении оказались несравненно дальновиднее его те народные представители, которые провели закон о конфискации церковных имуществ. Политическое чутье на этот раз обмануло Марата.

В начале марта 1793 года Конвент провел декрет, которым запрещалось депутатам Конвента брать газетными работниками. Этим актом жирондисты хотели выбить оружие из рук депутатов, издававших свои газеты, неугодные правящей партии. Конечно, в первую очередь под действие этого декрета подпал Марат. Но он нашел выход из положения: он переименовал свою газету и назвал ее: «Публицист французской республики, или замечания французам Марата, друга народа, де-

путата Конвента». Этим он обходил закон, так как тот не мог воспретить депутату обнародовать свои соображения. И первый номер «Публициста» вышел под № 144, т.-е. явился прямым продолжением «Журнала республики».

События разворачивались во всем своем грозном величии. Неудачи на фронте, усиление внешних врагов Франции присоединением к ним Англии, Испании и Сардинии, страшное крестьянское восстание в Вандее, измена генерала Дюмуре, призыв 300 000 новобранцев, — все это в короткий промежуток времени накалило политическую атмосферу до высочайшей степени. А если принять во внимание, что в Париже попрежнему крайне остро стоял продовольственный вопрос и, казалось, не было конца ожесточенным схваткам между разными политическими группами, то мы поймем, какая благоприятная обстановка складывалась для противников жирондистов. Но правящая партия не унывала. Война, которую они вели, шла неудачно, их ставленник генерал Дюмуре, после безуспешной попытки произвести контрреволюционный переворот, перешел в стан врагов. Но это не смутило их. Наоборот, они повели новую ожесточенную борьбу со всеми левыми элементами и в первую очередь с Маратом.

На заседании 12 апреля жирондист Петсион обрушился на Гору и предостерегал против «фальшивых патриотов», которые обманывают народ и ведут его к пропасти. Другой жирондист Гюаде также бичевал Гору и друга народа и, вспоминая о недавних продовольственных беспорядках в Париже, прочитал послание клуба якобинцев от 5 апреля, разосланное по всей Франции за подписью Марата и ряда других депутатов и членов клуба. Там, между прочим, стояло:

«Граждане! Нас предали! К оружию! К оружию!»

Наступил страшный час, когда защитники отечества должны победить или погибнуть под развалинами республики. Французы, никогда ваша свобода не была в большей опасности; наши враги, наконец, обнаружили свои черные планы, и их сообщник Дюмуре идет на Париж. Но, братья и друзья, главная опасность в вашей собственной среде... В самом Сенате (т. е. Конвенте) отцеубийственные руки раздирают ваши внутренности. Да, контрреволюция гнездится в Правительстве, в Национальном конвенте... Но негодование уже воспламеняет ваше мужественное гражданское чувство. Вооружимся, республиканцы! Восстанем! Арестуем всех врагов нашей революции и всех подозрительных! Истребим без жалости всех заговорщиков, если мы не хотим, чтобы они истребили нас!».

Это послание вызвало невероятный скандал в Конвенте. Не дав высказаться Марату, не пожелав выслушать его объяснений, Конвент большинством голосов постановил арестовать Марата и предать его суду. Однако, благодаря оплошности президиума, забыли подписать бумагу с предписанием об аресте, и Марат, воспользовавшись благоприятным случаем, ушел из Конвента и скрылся, перейдя вновь на нелегальное положение.

Марат скрылся, но из своего убежища написал несколько посланий Конвенту, в которых указывал, что он не желает сидеть в тюрьме в то время, когда изменники и растратчики народного имущества гуляют на свободе. Он клеймил также жирондистов, заявляя: «Пока все эти господа не будут посажены в тюрьму, до той поры я не позволю арестовать себя. Я буду разоблачать изменников,

ведущих за собой Конвент, до тех пор пока Конвент не покарает их достойным образом».

Конвент (вернее жирондисты) решил на этот раз расправиться с Маратом. Слишком много неприятностей доставлял ему этот беспокойный человек. К тому же 15 апреля парижский мэр представил в Конвент петицию Генерального совета Коммуны, в которой требовалось изгнание из Конвента 22 депутатов-жирондистов, наиболее видных деятелей Жиронды. Конвент отверг эту петицию и поторопился дать ход обвинительному акту против Марата. 22 апреля акт был направлен в Революционный трибунал и оттуда был переслан Марату. Враги Марата готовились, наконец, прикончить с другом народа. Но они просчитались. 23 апреля в своем «Публицисте республики» Марат напечатал небольшое сообщение:

«Народ! Завтра твой неподкупный защитник предстанет перед Революционным трибуналом. Он всегда желал только твоего счастья. Его невинность должна восторжествовать. Его враги должны быть посрамлены. Он должен выйти из этой борьбы еще более достойным тебя. И он утешается от этого нового волнения надеждой на пользу, которая получится для дела свободы и для отечества».

Друзья Марата поняли его обращение. Сам он накануне суда явился к председателю Революционного трибунала и, после короткого собеседования, переночевал с несколькими друзьями в здании трибунала. Из уважения к нему его не хотели отправить в тюремную камеру. А пока он мирно спал, все соседние улицы заполнились многотысячной толпой: это Париж предместий, Париж санкюлотов выслал своих бойцов для защиты друга народа. Они боялись не суда, а покушений на

Марата и всю ночь, не смыкая глаз, продежурили вокруг здания трибунала.

Когда открылось заседание суда и появился Марат, его встретили бурными рукоплесканиями. Обращаясь к суду, Марат сказал:

— Граждане, перед вами стоит невинный человек... Обвинение против меня выдвинуто только группой заговорщиков и интриганов.

Обвинение против Марата содержало три пункта: Конвент обвинял Марата в том, что он призывал: 1) к грабежу и убийству, 2) к умалению суверенитета народа и 3) к уничтожению и роепуску Конвента.

Марат раз'яснил на суде, что все обвинение против него построено на лжи и грубом обмане, что оно является следствием заговора части членов Конвента, т. е. жирондистов, которые стремятся погубить его, Марата, чтобы потом учинить расправу и с другими представителя Горы—Робеспьером, Камиллом Демуленом и прочими стойкими борцами за революцию.

Много неприятного наговорил Марат по адресу правящей партии, и на суде чувствовалось, что в сущности судят не Марата, а жирондистов, что на суде решается давнишний спор между Горой и Жирондой, между крупной буржуазией, находившей, что революция кончена, и буржуазией мелкой, которая совместно с пролетариатом считала, что революция еще не сказала своего последнего слова.

Когда Марат кончил свою речь при громких рукоплесканиях всего зала, председатель трибунала поставил на разрешение суда следующие вопросы:

I. Доказано ли, что в статьях Марата, помещенных в «Друге народа» и в «Публицисте», автор

призывал: 1) к грабежу и убийству, 2) к установлению власти, нарушающей суверенитет народа, и 3) к уничтожению и роспуску Национального конвента.

II. Является ли Жан-Поль Марат автором всех этих произведений.

III. Преследовал ли Жан-Поль Марат в этих произведениях преступные и контрреволюционные намерения.

Ответ на все эти вопросы был отрицательный. Публика бурно приветствовала решение суда. А Марат, обращаясь к суду, сказал:

— Граждане присяжные и судьи, составляющие Революционный трибунал. Судьба государственных преступников находится в ваших руках. Защищайте же невинного, карайте виновных, и отечество будет спасено.

После этого в суде творилось нечто неопишемое. Толпа окружила Марата. Его поздравляли, обнимали, целовали. Наконец, его усадили в кресло, и вынесли на улицу, где стотысячная толпа встретила его бурей криков «Да здравствует Марат!». Его засыпали цветами, голову ему увенчали венком из дубовой листвы и двинулись с ним в Конвент, причем по пути Марату приходилось выслушивать бесконечные приветственные речи. Конвент был вынужден разрешить народу продефилировать перед ним в знак радости, что оправдан член Конвента. Председателю — жирондисту Ласурсу — пришлось, скрепя сердце, дать это разрешение. Марат, появившись в Конвенте, обратился с кратким словом к своим товарищам:

— Законодатели меня постарались вероломно обвинить, но высокий суд торжественно доказал мою невинность. Я возвращаюсь к вам с чистым сердцем, и я буду продолжать защищать права че-

ловека, гражданина и народа со всей энергией, какой только наградило меня небо.

И после этого депутатам Конвента пришлось долгое время любоваться шествием парижских санкюлотов, проходивших с победоносными возгласами мимо тех, из чьих рук они вырвали своего друга народа.

Конечно, после суда над Маратом было совершенно ясно, что борьба не прекратилась, да и не могла прекратиться, так как в действительности вопрос стоял не об отдельных личностях, не об устранении Марата или других видных монтажеров, а о сохранении власти в руках крупной буржуазии или о переходе ее к мелкой буржуазии. Только в этом был смысл дальнейших событий.

Жирондисты, сорвавшись на попытке расправиться с Маратом, не сложили оружия. Для них на первое место выплывал вопрос об охране собственности, на которую, по их мнению, покушались Гора, Коммуна и революционные комитеты, добивавшиеся установления твердых цен (максимума). Жирондист Петион открыто призывал имущие классы к борьбе:

«Ваша собственность,—говорил он,—находится в опасности, и вы закрываете глаза на эту опасность. Готовится война между собственниками и теми, кто не имеет собственности, а вы не принимаете ничего, чтобы предупредить ее». И он заклинал собственников покончить с этими «интриганам» и «кучкой заговорщиков», всеми, кто грозит «священному» праву собственности.

А, между тем, Вандейское восстание требовало новых усилий со стороны революции, новых пополнений армии, новых средств на ведение войны. Генеральный совет Коммуны объявил набор в двенадцать тысяч человек «для оказания помощи

братьям в Вандее» и постановил произвести принудительный заем в 12 миллионов для выдачи пособий матерям, женам и детям добровольцев. Но если бедного должна была жертвовать своей жизнью для спасения республики, то она имела право, чтобы и богатые поступились кое-чем из своих преимуществ.

— Бедный сделал все для республики, — говорил генеральный прокурор Парижской коммуны Шометт¹, — теперь настала очередь богатого.

В Конвент стали являться одна за другой делегации от клубов, предместий, секций и требовать установления максимальных цен на зерно по всей республике и запрещения спекулятивной торговли зерном. Монтаньяры на этот раз действовали в согласии с «бешеными», и им удалось вырвать у Конвента декрет 4 мая об установлении максимальных цен на хлеб и об учете зерна и муки у хлебопеченцев и землевладельцев. Но борьба на этом не остановилась. Жирондисты решили покончить с революционным Парижем, направив против него вооруженные силы департаментов. Они пошли походом против Коммуны, назначив комиссию из 12 членов для расследования деятельности Комму-

¹ Шометт Анаксагор, сын сапожника, учитель (1703—1794 гг.) — крупный деятель Вел. франц. революции, главный прокурор революц. коммуны гор. Парижа, занимал выдающееся положение в клубе «Кордельеров» и в революц. прессе. В 1793 году он выступал левее представителей «Горы», отражая интересы пролетариата и обнищавшей мелк. буржуазии, вел энергичную борьбу с церковью, за усиление террора против спекулянтов-торговцев и кулаков. В своей деятельности он был левее Робеспьера. Его влияние на массы и деятельность, как и деятельность остальных вождей «кордельеров» — Гебера, Жана Рене, Паша, Бушота, Росиньоля и Клотца, — показали опасными вождям Конвента, в том числе и Робеспьеру, по настоянию которого они были преданы суду и казнены в марте 1794 г. Ред.

и. Они велели арестовать ряд видных деятелей, в том числе известных руководителей «бешеных», Робера и Варле. А когда Коммуна потребовала освобождения их, то председательствующий в тот день в Конвенте жирондист Иснар заявил делегации: «Будьте уверены, что справедливость быстро просторжествует. Но выслушайте также несколько истин: Франция доверила Парижу охрану народного представительства. Необходимо, чтобы уважали его. Если когда-нибудь Конвент будет уничтожен, если когда-нибудь под давлением мятежных выступлений этих лиц, непрерывно повторяющихся, начиная с 10 марта, будет нанесено какое-нибудь унижение народному представительству, то заявляю вам от имени всей Франции, что Париж будет уничтожен, и наши потомки напрасно станут искать на берегах Сены следы существовавшего здесь некогда города».

Это был прямой вызов Парижу. Но он не устрашил парижан. Марат и Робеспьер в клубе якоинцев открыто призывали к активным выступлениям против партии «государственных людей», т. е. жирондистов, и в частности против Комиссии двадцати. А 27 мая в Конвенте Марат перешел к прямому нападению на жирондистов.

Он говорил:

«С того момента, как голова тирана скатилась на эшафоте, роялисты и приспешники старого режима объединились для восстановления монархии. Во всех концах республики вспыхнули мятежи... Пытались обмануть народ, стараясь уверить его, что существует заговор с целью перебить «государственных людей». Что этого заговора никогда не было, доказывается тем, что вы не получили ни одной царапины. Вы знаете, что патриоты пламенно желают дать народу хо-

рошую конституцию, и вы тормозите их работу. С того момента, как был проведен принудительный заем на богатых, вы стремились посеять раскол среди секций Парижа... Как дерзнули вы создать Чрезвычайную комиссию для наблюдения за тем, что происходит в секциях?.. Вы все время толкуете о законе, но ссылаетесь на него лишь для того, чтобы нарушать его в пользу приверженцев вашей партии. Если патриоты подымут восстание, это будет плодом вашей работы. Я требую уничтожения этой Комиссии двенадцати, так как она—враг свободы, так как она провоцирует народное восстание, которое готово вспыхнуть».

Ряд депутатий от секций также требовал в такой форме упразднения Комиссии двенадцати и освобождения арестованных. Под общим давлением было вынесено постановление, что Комиссия двенадцати упраздняется, и лица, арестованные по ее постановлению, свободняются.

На этом дело не остановилось. Восстание против жирондистов, давно назревавшее, приняло, наконец, реальные формы. Марат в Центральном клубе держал речь, в которой говорил:

«Уже давно в Конвенте царит раскол, и этот раскол грозит ему гибелью. Как может установиться порядок в народе, если беспорядок и анархия царят в собрании его представителей. В этом виновата Жиронда. Уже целый год моя газета не перестает бить в набат при каждой преступной попытке этих врагов отечества. Жирондисты — это люди, желающие по своему усмотрению остановить революцию, чтобы овладеть ею и обуздать ее. Они хотят вместо старой аристократии, давившей нас, поставить новую, в тысячу раз худшую аристократию. Вместо ста-

рых дворян вам грозит иго наглых и дурно воспитанных выскочек.

В том государстве, где некоторые классы упорно противятся общественному спокойствию и счастью, было бы безумием стараться уговорить их. Нет, их необходимо устранить. К оружию, граждане! Завтра с оружием собирайтесь к Конвенту и требуйте выдачи двадцати двух депутатов-жирондистов».

В три часа утра 31 мая 1793 года над Парижем раздался протяжный набатный звон. Это сам Марат подавал сигнал к восстанию с башни Парижской ратуши.

Париж санкюлотов снова восстал. Упрямая классовая политика жирондистов привела к восстанию против Конвента, чтобы «очистить» этот Конвент от тех, кто не желал поступиться правами и преимуществами крупной буржуазии, кто упорно боролся против всех требований, выставлявшихся одлинными защитниками революции, против всех чрезвычайных мер, диктовавшихся отчаянным положением страны. Конвент был окружен сплошным ольцом повстанцев. Городская ратуша была занята ими же, был распущен Генеральный совет коммуна и заменен Революционным генеральным советом. Командующим национальной гвардией был назначен известный своими крайними взглядами Анрио¹. Были закрыты заставы и задержана почта. Словом, восстание, «моральное» восстание, как

¹ Анрио Франсуа (1761—1794 гг.) — крестьянин, популярный деятель Великой французской революции, за ряд революционных выступлений еще в 1789 г. назначенный начальником национальной гвардии, способствовал ликвидации партии жирондистов. После переворота Термидора (27 июля) 1794 г. был казнен. Ред.

его называли руководители движения, было проведено по всем правилам.

Жирондисты пытались оказать противодействие, но из этого ничего не вышло. Из их попыток переговоров с повстанцами выяснилось, что приходится уступать силе. Пришлось согласиться на арест 22 депутатов, всех членов Комиссии двенадцати, за исключением двоих, и двух министров — Клавьеа и Лебрена. Когда в Конвенте читался список лиц, подлежащих аресту, Марат заявил:

— Я уже высказал петиционерам свое удивление, что в этот список включены старый болтуш Дюссо, не способный быть руководителем партии, слабоумный Лантена, не заслуживающий, чтобы на него обращали внимание, и Дюко, которого нельзя считать активным контрреволюционером.

— Мы должны преследовать партию «государственных мужей» не за их убеждения, а за их интриги, за их клевету на парижан и «Гору», за их близость с Дюмуре, за открытое покровительство предателям. На этом я утверждаю свое обвинение.

— И я требую от вас постановления, что парижские секции заслужили благодарность отечества, поддерживая спокойствие в этот критический день, и что вы предлагаете им быть впредь столь же бдительными, пока не будут уничтожены все заговоры.

Его предложение было принято. Это было 2 июня 1793 г.

Так пала в Париже власть партии Жиронды. На смену ей пришла диктатура мелкой буржуазии.

Восстание 31 мая—2 июня было последним революционным выступлением Марата. 6 июня он отправил в Конвент письмо, в котором писал, что слагает с себя полномочия депутата до тех пор,

пока не свершится суд над арестованными депутатами. И, в заключение, он высказывал следующее пожелание:

«О, если бы больше не возобновлялись скандальные сцены в пределах Конвента! О, если бы все его члены сумели подчинить свои страсти своим обязанностям! О, если бы мои товарищи-монганьяры доказали всей нации, что если они не выполнили ее ожиданий, то это происходило потому, что недоброжелатели противились их стремлениям».

С 5 по 20 июня Марат не покидал своего дома. Здоровье, надорванное всей предыдущей упорной политической борьбой, подпольной жизнью в подвалах с чрезмерным напряжением нервов, не выдержало, наконец, и неутомимый революционер провел две недели на больничном положении. У него были осложнения на почве пузырчатого лишая, мучительной и мучительной болезни, от которой он находил облегчение только в ваннах. Но уже 20 июня он не выдержал и вернулся в Конвент, так как, по его мнению, опасное положение отечества требовало от него быть на посту.

А положение действительно становилось угрожающим. Жирондисты и их сторонники поднимали кризисную прогн Парижа и якобинской диктатуры, и в скором времени почти $\frac{2}{3}$ всех департаментов Франции были в открытом восстании против Конвента. Присоедините сюда внешнюю войну, продовольственный кризис, Вандейское восстание, общее расстройство дел, и вы поймете, какая огромная ответственность лежала на новых руководителях Конвента перед лицом все возрастающих затруднений и опасностей.

Марату не пришлось участвовать в этих трудах по защите отечества и революции. Он снова за-

болел и должен был безвыходно сидеть дома. Но он продолжал издавать свою газету и отзываться на события дня. Он не стеснялся критиковать деятельность своих товарищей-монтаньяров, так как он сам говорил по этому поводу: «Я очень люблю своих дорогих товарищей, но я еще больше люблю отечество, и каково бы ни было мое опасение не понравиться им, оно не остановит моего пера». Он не стеснялся критиковать деятельность Комитета общественного спасения, доказывая, что Комитет имеет плохой состав; в нем много членов без политического кругозора и неэнергичных. И он требовал более активных действий¹, обещая «разоблачить в скором времени некоторых интриганов из Комитета общественного спасения». В то же время он не переставал вести обширную переписку с читателями, ободряя одних, укоряя других, заступаясь за третьих, и все это писалось им в то время, когда он сам буквально изнемогал от приступов своей болезни.

Парижские санкюлоты, так высоко ценившие Марата, были обеспокоены его болезнью, и 12 июля Клуб якобинцев, почетным председателем которого был Марат, направил к нему делегацию, чтобы справиться об его здоровье. В своем докладе якобинцам делегаты сообщали: «Мы видели нашего друга Марата; он очень тронут вашим вниманием. Мы застали его в ванне; около него стоял столик с чернильницей и газетами. У него, собственно говоря, не болезнь, а недомогание. Его скорее всего губят слишком пылкие порывы патриотизма». А накануне Марат говорил делегации кордельеров, пришедшей просить его беречь свое

¹ Вскоре после его смерти состав Комитета общественного спасения был совершенно изменен.

здоровье: «Меня нисколько не беспокоит, проживая на десять лет больше или меньше. Моим единственным желанием является сказать при последнем издыхании: «Я умираю довольный, так как отечество спасено».

Словом, и во время болезни Марат оставался верен себе: все для отечества, ни слова о своих личных страданиях.

Но он уже был обречен. 13 июля 1793 года молодая девушка Шарлотта Кордэ, приехавшая в Париж из г. Кана, где она имела постоянное общение с бежавшими туда жирондистами, явилась на квартиру Марата и потребовала свидания с ним по неотложному делу. Первый раз ее не пустили к нему, явив, что он болен. Но она была настойчива, и тогда, при второй попытке, Марат услышал ее. В переканья с его домочадцами, он велел впустить ее. Она застала его в ванне. Он спросил ее, что ей надо. Кордэ сообщила ему, что восемнадцать депутатов Конвента готовят в Кане мобилизацию для освобождения Парижа от анархистов и что членом департамента уже повели часть армии в Кан. Марат записал фамилии этих деятелей и, по словам Кордэ, заявил, что в скором времени приедет всех их гильотинировать. Тогда она выхватила заранее приготовленный большой нож и ударила Марата в грудь. Он успел только крикнуть: «Ко мне, мой друг! Ко мне!» и умер через несколько мгновений. Шарлотта Кордэ была схвачена на месте убийства и при первом же допросе показала, что убила Марата, так как видела, что вся Франция стоит на пороге гражданской войны и что Марат является главным виновником грядущих бедствий. Из дальнейших допросов выяснилось, что она мстила Марату и за сентябрьские убийства, в которых жирондисты винили Марата, и за арест

депутатов-жирондистов. Словом, политические мотивы ее террористического акта стали совершенно ясны. Ее судили через несколько дней и гильотинировали.

Марату же были устроены торжественные похороны.

В церкви Кордельеров, где раньше погребали аристократических покойников, была устроена огромная, в сорок фугов вышиной, эстрада, в виде усеченной четырехгранной пирамиды, украшенной трехцветными лентами. На верху ее красовалось парадное ложе, а по четырем углам горели громадные светильники. Тут Марат был поднят на ложе обнаженным до пояса так, чтобы была видна рана. Вся нижняя часть туловища была прикрыта простыней, ниспадавшей свободными складками по обеим сторонам ложа. Голову покойника убрали лавровым венком. По правую руку поставили ванну — это должно было напоминать зрителям, в каких условиях работал в последнее время друг народа; слева на деревянной плахе, служившей Марату письменным столом, была прикреплена его окровавленная рубашка. В храме, в разных местах расставили курильницы с благовониями.

Погребение должно было совершиться в саду Кордельеров, в подземельи, которое напоминало бы гражданам о годах подпольной жизни Марата.

За гробом Марата шел в полном составе Конвент, шли клуб якобинцев и клуб кордельеров, представители муниципалитета и суда, революционные комитеты и бесконечные толпы со знаменами секций. Шли войска, ехала артиллерия, гремели оркестры и хоры. Каждые пять минут раздавался пушечный выстрел. Это были грандиозные похороны, закончившиеся только поздно ночью.

речами, в которых звучал основной мотив: месть врагам революции.

21 сентября 1794 года прах Марата был с большой торжественностью перенесен в Пантеон — усыпальницу великих людей, а с наступлением эпохи реакции свинцовый гроб с останками Марата был извлечен из Пантеона и погребен на кладбище св. Женеьевы, ныне упраздненном. От могилы не осталось никаких следов. Там, где было кладбище, ныне стоят здания, проложены улицы...

Таков был жизненный и посмертный путь великого революционера. Во Франции, которую он так пламенно любил и которой он отдал все свои силы, свое здоровье, свою жизнь, не сочли нужным поставить ему памятник. Его бюсты, которых было огромное множество вскоре после его смерти, почти все были перебиты в эпоху реакции. Только знаменитая картина Давида «Смерть Марата» нашла себе место в музее. Буржуазия, пришедшая и укрепившаяся у власти, стала стесняться своего революционного прошлого и не желала ставить памятников подлинным революционерам. Если бы Марат был соглашателем типа Дантона, ему, вероятно, буржуазия воздвигла бы памятник, но он был слишком непреклонен и правдив, и его речи до сих пор звучат укором по адресу тех, кто лицемерил и лгал народным массам, за интересы которых так страстно боролся Марат.

Но, спросят нас, почему же мы, почему пролетариат должен ценить Марата? Ведь Марат был мелкобуржуазным революционером, ведь он был противником полукommунистических идей «бешеных», ведь он стоял за сохранение цехов, за наделение каждого крестьянина землей, за сохранение религии, словом за все те идеи, которые в корне отвергнуты нами. Все это правильно, но не

следует забывать исторической перспективы. Марат жил и боролся в то время, когда буржуазия была еще революционным классом. Он принадлежал к левому крылу революционной буржуазии, стоявшему за углубление революции. Он, при своем блестящем образовании, лучше многих понимал классовый характер революции, доказывая неоднократно, что революцию делают трудовые низы народа, а плодами их успехов пользуются имущие. И, зная и понимая это, он не шел с имущими, которые с восторгом купили бы его перо, если бы могли это сделать, но он шел с трудовыми низами. В этом — революционное значение его личности. Этим он особенно близок пролетариату. С другой стороны, и сам пролетариат в те времена не был еще вполне оформившимся классом, не имел своей пролетарской идеологии, а шел на поводу у мелкой буржуазии.

Другая черта личности Марата, также особенно понятна и близка пролетариату — это его отношение к вооруженному восстанию угнетенных против угнетателей. Здесь Марат был единственным в своем роде мастером вооруженного восстания, апостолом и проповедником его, вождем всех пролетарских и полупролетарских элементов. Он умел разработать теорию восстания, обосновать ее, доказать, в каких случаях она обязательна для каждого революционера. Тут он не признавал никаких компромиссов, никаких соглашений. Марат в глазах пролетариата останется подлинным мастером вооруженного восстания, одним из виднейших и интереснейших деятелей Великой французской революции.

БИБЛИОГРАФИЯ

Лицам, не владеющим иностранными языками, но желающим получить больше сведений о Марате, приходится указать только одну книжку П. Фридлянда — Ж. П. Марат до Великой французской революции. М. Изд. Ком. ун-та им. Я. М. Свердлова. 1926 г., стр. 66. Но в ней, как показывает заглавие ее, охвачена жизнь Марата только до начала революции. Довольно подробно, хотя и отрывочно, изложена биография Марата в книге Г. Кунова — Борьба классов и партии в Великой французской революции. 3-е изд. Гиз. 1923 г. (По ней сделана популярная брошюра И. Степанова — Жан-Поль Марат и его борьба с контрреволюцией. Имеется несколько изданий). Далее, переведены и изданы «Письма» Марата — 1773—1793 гг., изд. «Всемирной литерат.», 1923 г., стр. 201. Есть глава о Марате в книге Беккера — Борцы революционной печати, Гиз. 1929 г., но в ней нет нового материала по сравнению с книгой Кунова. Можно упомянуть еще о старых популярных брошюрах С. Лозинского — Марат. Пгд. Изд. «Новая эпоха». 1917 г., стр. 40, и Г. Печ — Друг народа Жан-Поль Марат. Изд. М. Малых. 1906 г., стр. 16. Много, конечно, материалов о Марате найдется в общих курсах истории Великой французской революции, особенно у Жореса.

В художественной литературе отметим:

А. Алтаев — Марат. Картины из истории Великой французской революции. Гос. изд. «Пролетарий». Харьков. 1931, стр. 159.

А. Амнуэль — Марат. Пьеса в 1 действии. Гиз. Гомель. 1920, стр. 27.

А. Глоба — День смерти Марата. Драматические сцены. М. Изд. «Творчество». 1920, стр. 24.

А. Ольшевский — Друг народа Марат. Историческая повесть. М. Гихл. 1931, стр. 464.